

*Павел Иевлев*

**Хранители**

**5**

**Мультиверсума**

**Книга пятая**

---

СОДЕРЖИТ  
НЕЦЕНЗУРНУЮ  
БРАНЬ

**Те, кто жив**

**18+**

Павел Иевлев

**Хранители Мультиверсума.  
Книга пятая: Те, кто жив**

«Автор»

2023

**Иевлев П. С.**

Хранители Мультиверсума. Книга пятая: Те, кто жив /  
П. С. Иевлев — «Автор», 2023

История выживания, борьбы и преодоления — и история общества, которое  
сформировалось в этих условиях.

© Иевлев П. С., 2023

© Автор, 2023

## Содержание

Историограф. «Историю пишут победители»	6
Коммунары. Катастрофа	9
Историограф. «Феномен очевидца»	12
Коммунары. День до	17
Историограф. «Обратная сторона любви»	20
Коммунары. День после	23
Историограф. «Щенки войны»	37
Коммунары. Холодная ночь	41
Историограф. «Ничьи земли»	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

**Павел Иевлев**  
**Хранители Мультиверсума.**  
**Книга пятая: Те, кто жив**

## Историограф. «Историю пишут победители»

– Время гашения?

– Восемнадцать минут!

Комгруппы прижал к лицу вскрытый индпакет – осколком стекла шлема ему отхватило кончик носа. Кровь смешивалась со слезами, заливая бороду – больно, наверное. Внешность это ему не испортит – он и так чуть краше обезьяны, – но всё равно обидно.

Щитовой валяется, где упал. Заняться им некому – все увлечённо палят, укрывшись за обломками стен и переводя боезапас на гильзовую россыпь. Все, кроме меня. Мне положено сидеть как мышь под метлой и не отсвечивать. Чтобы не было соблазна повоевать, из оружия дают только пистолет. Из него мне полагается, в случае чего, героически застрелиться. Я честно предупредил, что не собираюсь заниматься такими глупостями, но пистолет взял. Раз висит кобура – не огурец же в ней носить?

Я – *м-оператор*. То есть, ценное оборудование и дефицитный ресурс. За потерю драгоценного меня комгруппы не то, что нос, – вообще всё выступающее оторвут. Он выразительно смотрит поверх промокшего от крови и слёз комка марли на лице – то на меня, то на щитового.

Часы на запястье пискнули. Семнадцать минут. Я пополз, собирая броником пыль, каменную крошку и стреляные гильзы. Бездна изящества. Над невысоким куском обрушенной взрывом стены, издавая резкие звуки рвущегося полотна, простригли воздух скорострелки. Вжался в плиты пола, сожалея о своей трёхмерности. Сверху меня осыпало взвесью дроблёного камня.

Щит валяется в стороне, на бойце остался нагрудник-зацеп и пропитавшийся кровью броник. Чтобы его снять, тушку надо перевернуть, а он тот ещё кабан. В щитовые берут самых здоровых – штурмовой щит весит полцентнера, плюс тяжёлый бронежилет на пятнадцать кило. Человек-танк. И всё равно наvertsели дырок. Наверное, за меня приняли. Меня раньше никто не хотел так целенаправленно, упорно и адресно убить. Подумать только, а когда-то я грустил о своей невостробованности!

Будьте осторожны в желаниях.

Пи-и-ип! Шестнадцать минут. Я ещё жив. Слава баллистике, скорострелки не дают рикошетов. Уперся ногами и плечом, напрягся – и кое-как перевалил раненого на бок. Стараясь не поднимать голову выше камней, распряг ремни, стащил подвесную и броник, расстегнул камуфляж.

– Куда тебя?

– Не понял... – прохрипел он. – Щит...

– Факинг щит! – согласился я.

– Я хотел...

Я так и не понял, чего хотел боец, потому что началась атака, и всё перекрыл грохот стрельбы. Борух, укрывшись за обломком стены, пытался прижать нападающих из ручного пулемёта. Ухнул подствольник, ударили автоматы. Люди занялись любимейшим из человеческих занятий – азартным взаимоистреблением. А вот раненого перевязать, кроме меня, некому.

Распластавшись на камнях, как раздавленная колесом лягушка, полил бойца водой из фляги. Смыв кровь, обнаружил два входных – в правую грудную мышцу и чуть ниже, в область живота. Первая рана пускала пузыри, вторая обильно кровила тёмной кровью. Наверное, это плохо. Ранения оказались сквозные. С одной стороны, лишнего металла в организме не осталось, с другой – дырок в два раза больше.

Пятнадцать минут. Наложив на раны марлевые подушки, приклеил их, как сумел, полосами пластыря. Кровь течь почти перестала. Не факт, что его это спасёт, но я больше ничего сделать не могу, а отрядный медик с волшебной аптечкой лежит мёртвый на открытом простреливаемом пространстве. С тем же успехом аптечка могла быть на Луне. Если в этом срезе, конечно, есть Луна. Плотность огня такая, что мёртвое тело дёргается от попаданий, как живое.

Отполз обратно. Волоочь щитового за собой не стал – во-первых, он потерял сознание и ему всё равно, где лежать, а во-вторых, – не утащу.

– Спасибо, – сказал невнятно полуносный комгруппы.

– Обращайтесь, – кивнул я тяжёлым шлемом.

Стрельба стихла. Атакующие откатились для перегруппировки. Оставалось четырнадцать минут до отката репера.

– Блоп-блоп-блоп, – серия глухих влажных разрывов. Командир атакующих активировал подрыв «смерть-пакетов». Тела на поле подпрыгнули, окутавшись красными облачками кровавого аэрозоля. Если кто-то из них был только ранен – ему не повезло. Вот почему у нас до сих пор ни одного пленного. Это я должен, если что, гордо застрелиться сам – а их никто не спрашивает. Их чешуйчатые кирасы отлично держат пулю, но на ремнях электронный замок, ключ от которого у командира звена. Попробуешь снять сам – подрыв. Разрежешь ремень – подрыв. Удалился от командира слишком далеко – подрыв. Убили командира – подрыв всего звена, поэтому их командиры в атаку не ходят. Сидят, гады, в овражке, смотрят на нас через камеры висящего высоко над лесом дрона. Уже третьего – двух наш снайпер сбил, и этот не приближается.

Тринадцать минут. Затишье. Собираются с силами. Моральный дух у них уже не тот, что в начале. Пообломались. Думаю, система самоподрыва не способствует позитивному мышлению. Хотя, может быть, они, наоборот, гордятся привязанной к пузу гранатой? Может, они все поголовно буси-самурай-камикадзе?

*«Вышло солнце из-за Фудзи,*

*По реке поплыли буси...»<sup>1</sup>*

А я не самурай, стреляться не собираюсь. Что я такого важного выдам, попав в плен? Фасон Ольгиных трусов? Нападающие и так знают, кто мы такие и где находимся. В этом их преимущество.

Двенадцать минут.

– Отобьёмся, Борь? – спросил я привалившегося рядом майора.

– Сейчас или вообще? – он не отрывался от оптики своего «Барсука»<sup>2</sup>.

– И так и этак.

– Сейчас они попробуют нас выбить всеми наличными силами, и получат сюрприз, который либо сработает, либо нет. Если нет, то будет весело.

– А вообще?

– А вообще... О, зашевелились вроде!

– Движение на десять часов! – подтвердил наблюдатель сверху.

– Артиллерия, готовность? – прогундел комгруппы.

Я удивлённо обернулся – в углу полуразрушенной комнаты двое военных быстро изготавливали к стрельбе «Галл»<sup>3</sup>. Один шурился глазом в прицельное устройство, второй держал в руках похожий на оперённую булаву миномётный выстрел. Вот, значит, какой у нас «сюрприз». Ого.

---

<sup>1</sup> «Буси» (яп.) – воин, придерживающийся буси-до, кодекса самурая, регламентирующего, какой у него должен быть чайник (нелакированный) и как он должен сдохнуть (легко и безмятежно, вежливо попрощавшись со старшим по званию).

<sup>2</sup> АЕК-999 «Барсук» – российский единый пулемет на базе ПКМ под патрон 7,62×54 мм R.

<sup>3</sup> 2Б25 «Галл» – бесшумный носимый 82-мм миномёт. Весит всего 13 кг, кладет 15 выстрелов в минуту. Надёжно транслирует ваше недовольство другими людьми на расстоянии от 100 до 1200 м.

– Есть готовность! – отрапортовал тот, что с прицелом.

Никогда не мог понять, как они вообще куда-то попадают из таких штук – оно же вверх стреляет!

– Ждём команды, пусть втянутся в атаку!

Одиннадцать минут. Самой атаки я не видел – Борух шарахнул меня кулаком по шлему, чтобы не высовывался. Было не больно, но обидно. Треск скорострелок смешался с грохотом не такого продвинутого, но ничуть не менее смертоносного огнестрела, на меня посыпалась пыль и горячие гильзы. Пришлось отползать.

– Ждите, ждите, ждите... – Пора!

Миномёт захлопал удивительно тихо, как в ладоши – оператор кидал в ствол гранату, пригибался – пух! И тут же следующая. После шестой стрельба наступающих внезапно прекратилась. Секунда тишины, горестный, исполненный безнадежной тоски вскрик и – блоп-блоп-блоп-блоп – длинная серия подрывов.

– Есть накрытие! – доложил наблюдатель. – Вижу дым над командным пунктом!

Я посмотрел на таймер – оставалось ещё пять минут до гашения. Быстро мы...

– Вот и всё, – констатировал Борух. – Накрыли командиров, и пошли самоподрывы... Если кто и выжил, теперь им не до нас.

Инженеры головы сломали, пытаясь заглушить сигналы самоподрыва или, наоборот, подобрать иницилирующую команду, а военные раз – и обошлись без этих хитростей. Против лома нет приёма.

– Так ты считаешь, отобьёмся? Вообще?

– Они уже не те, что раньше, – сказал задумчиво майор. – И кадры похуже пошли, и оружие... Раньше скорострелки были у всех, а сегодня – только у каждого десятого. Остальные со старыми «калашами», как лохи. В первой высадке любой из них был в полном композитном бронекompлекте, а сейчас – одна кираса. Понимаешь, что это значит?

– Их ресурсы тоже не бесконечны.

– В общем, не ссы, писатель, прорвёмся.

– Я не писатель, – запротестовал я. – Я официальный историограф Коммуны!

– Тем более, – серьёзно сказал Борух. – Историю, сам знаешь, пишут победители!

## Коммунары. Катастрофа

– Значит, откроется здесь? – молодой, поразительно блёклой внешности человек в штатском заинтересованно осматривал обвитую толстыми кабелями металлическую арку.

– Если откроется... – буркнул недовольно Матвеев.

– Ну, Игорь Иванович! – профессор Воронцов возмущённо вскочил со стула. – Мы же сто раз обсуждали...

– Мы не обсуждали, – желчно ответил худой и нервный учёный, одетый в потасканный и не очень чистый лабораторный халат, – вы вещали, заткнувши уши...

– При всём уважении... – у профессора Воронцова халат был идеально бел, выглажен и накрахмален, а внешность настолько академическая, что так и просилась портретом в школьный кабинет физики, между Ньютоном и Кюри. – При всём уважении, товарищ Матвеев, но ваша позиция кажется мне недостаточно аргументированной. Пораженческой мне кажется ваша позиция!

– Товарищи, товарищи! – примирительно сказал директор ИТИ Лебедев, крупный широкоплечий мужчина с чёрной пиратской повязкой через левый глаз. – Все имели возможность выступить на совещании вчера, давайте не будем повторяться... Решение принято, правда, товарищ Куратор?

Человек в штатском внимательно посмотрел на учёных, помолчал, а потом уверенно кивнул.

– Принято, – сказал он жёстко. – Партия и правительство ждут от вас результата, товарищи учёные. В вашу установку вложены огромные народные средства, и пора уже показать, что вложены они не зря.

«Какой он всё-таки неприятный, – подумала Ольга, – вот всё вроде правильно говорит, а ощущение гадкое, как будто врёт».

Временно приставленная к Куратору сопровождающей от института, девушка откровенно тяготилась этой обязанностью. В первом отделе, где она работала помощницей, накопилась куча бумаг, требующих разбора, – к режиму секретности в Институте относились более чем серьёзно, – но прибывший из столицы слишком молодой для такого высокого поста функционер не отпускал её от себя целыми днями. В её положении это было утомительно физически и тяжело морально. Особенно после вчерашней безобразной сцены...

– Итак, – утверждающе сказал Куратор, – проход открывается здесь, в него пойдёт товарищ Курценко...

Все посмотрели на высокого блондина, одетого, как турист, – в сапогах, с рюкзаком, в полевой форме без знаков различия. На груди у него висела новенькая фотокамера «Ленинград», а за плечами – потёртый карабин Симонова. Среди белых халатов он выглядел вызывающе.

– Вы готовы, Андрей?

– Всегда готов! – отдал шуточный салют «турист».

– Почему он? – спросил у Ольги шёпотом Мигель, жгучий брюнет, дитя испанской революции, один из немногих допущенных к Установке мэнэсов. Вообще-то, его звали Хулио Мигель, но он, по понятным причинам, предпочитал представляться вторым именем.

– Почему этот непонятный Андрей? – настойчиво повторил испанец. – Чем я, например, хуже? Откуда он вообще взялся, этот Курценко?

– Куратор с собой привёз, – ответила девушка нехотя.

– Ну вот, мы работаем-работаем, а как первый шаг в неведомое – так привозят какого-то... – недовольно шептал Мигель. – Вся слава ему...

– Какая слава? – осадила его Ольга. – При нашем-то режиме секретности...

– Всем, кроме товарища Курценко, покинуть рабочий зал! – провозгласил Лебедев торжественно. – Давайте, давайте, товарищи, соблюдайте технику безопасности!

– Эх, я бы... – продолжал страдать по романтике странствий Мигель, глядя на зал установки через толстое бронестекло аппаратной. Перед аркой переминался с ноги на ногу, ожидая команды, Андрей, и испанец ему люто завидовал. – Это как, не знаю... Как в космос полететь!

– Помолчите, товарищ Эквимоса, – недовольно сказал ему Воронцов. – Займите своё место у пульта, мы начинаем.

Вскоре у обзорного стекла остались только Куратор и Ольга, у которых в аппаратной никаких функций не было.

– Вы подумали над моими словами, Ольга? – тихо спросил молодой человек, глядя мимо.

– Подумала, – решительно, но так же тихо ответила девушка, – и решила, что ваше поведение недостойно коммуниста и честного человека.

– Напрасно, напрасно... – сказал тот рассеянно, как будто в пространство, – теперь ведь всё изменится...

– Готовность!

– Есть готовность! – переключивались в зале.

– Реактор?

– Шестьдесят от максимума!

– Напряжённость?

– Растёт по графику! Пятьдесят, пятьдесят пять, семьдесят, восемьдесят пять... Восемьдесят семь, восемьдесят семь... – остановка динамики! Нет роста поля!

– Реактор на семьдесят! Поднимайте мощность!

– Девяносто, девяносто два... Медленно растём!

– Реактор на семьдесят пять!

– Мало!

– Опасно работаете, – громко сказал Матвеев. – Реактор в конце ресурсного цикла, не стоит выше трёх четвертей мощность поднимать.

– Риск небольшой, – не согласился Воронцов. – Даже если паропроводы опять засифонят, ничего страшного. Плановая остановка вот-вот, заодно и заменим.

Матвеев молча пожал плечами.

– Реактор восемьдесят, поле сто! Установка в режиме!

– Отсчёт!

– Десять, девять, восемь...

«Великий момент, торжество советской науки, – подумала Ольга, – а я о каких-то глупостях думаю. Испортил настроение Куратор этот...»

– Три, два один... Разряд!

Все напряженно уставились в обзорное окно. Лампы в помещении пригасли и тревожно загудели, больше ничего не происходило. Стоящий перед аркой Курценко недоуменно повернулся и развел руки в вопросительном жесте. Мол: «И что?».

– Добавьте энергии! – нервно вскрикнул Воронцов. – Мало!

– И так пятьдесят мегаватт качаем, – ответил ему Матвеев. – Куда ещё?

– Добавьте!

– Реактор восемьдесят пять! Давление первого контура в красной зоне! Давит из-под уплотнителей! Поле сто десять!

– Да гасите уже, рванёт! – зло сказал Матвеев.

– Есть реакция поля! Есть! – закричал от своего пульта Мигель, показывая пальцем на стрелку большого квадратного прибора. – Сейчас откроется!

– Неужели? – подскочил Воронцов.

– Отключайте! – неожиданно закричал Матвеев. – Отключайте, не тот вектор! Вы что, не видите?

– Опять вы, това... – начал директор.

Свет моргнул, пол дрогнул, по герметичной аппаратной как будто пронёсся холодный сквозняк. Гул оборудования резко затих, лампы снова загорелись в полный накал. В тишине стало слышно, как стрекочет фиксирующий ход эксперимента киноаппарат. Перед аркой растерянно стоял Курценко.

– Не работает ваша установка, – констатировал Куратор. Голос его был спокоен, но стоявшая рядом Ольга видела, что он в бешенстве. Еще бы – такое крушение планов...

– Ответите вы за свой саботаж, товарищи учёные... – сказал молодой человек зловеще, но его никто не слушал.

– Автоматика отрубилась по превышению поля, – сказал Мигель. – Был какой-то пик...

– Что-то определённо было... – засуетился Воронцов. – Дайте мне ленту самописца... Да, вот же, скачок! Установка сработала! Но почему...

На стене аппаратной громко зазуммерил телефон внутренней связи.

– Да, я, у аппарата... – ответил Лебедев. – Что?

– Что исчезло? – голос его стал изумлённым. – Вы что, шутите так? Вы там что, пьяные?

Держа в руке эбонитовую трубку, директор повернулся к коллегам. Лицо его было растерянным, единственный глаз глупо моргал.

– Говорят, там солнце исчезло...

## Историограф. «Феномен очевидца»

На «боевые» меня теперь дёргали редко. Безумие первых дней осады, когда приходилось спать, не раздеваясь, в обнимку с планшетом, схлынуло. Наладился график работы операторов, пошла ротация на блокпостах, организовался отдых. Да и сами штурмовки стали куда реже – отбившись от первого внезапного натиска, Коммуна устояла, удержала ключевые реперы, перевела конфликт в позиционную фазу. Постепенно и до меня дошла старая солдатская мудрость: война – это много скуки между приступами паники.

Коммуна жила почти обычной жизнью – прорывов больше не было, и о боевых действиях напоминали только блокпосты у реперов да обязательные тренировки ополчения: полковник Карасов пытался сделать из него что-то хотя бы условно боеспособное. Получалось, со слов Боруха, так себе: солдаты из коммунаров – как из говна пуля. Задачу им, впрочем, нарезали несложную – в случае чего продержаться хотя бы пять минут, пока не примчится ближайшая ГБР<sup>4</sup>. То есть – погибнуть, подав сигнал о вторжении.

Затянувшаяся война шла «малой кровью на чужой территории», но заметно высасывала ресурсы, прежде всего, кадровые – охрана реперов в ключевых срезях оттягивала на себя немало людей, да и потери случались. Проблемы малочисленности населения ещё более обострились, и на блокпостах стояли, в основном, подростки, почти дети. С серьёзными лицами, преисполненные чувства ответственности, они дежурили днём и ночью, держа наизготовку старые карабины и новые ПП<sup>5</sup>. Мне от этого было не по себе. По инерции из прошлой жизни казалось странным доверять детям такую ответственную и опасную задачу, но в Коммуне отношение к ним совсем другое. Проще, с большим прагматизмом и меньшей сентиментальностью. Да и дети сильно отличаются от тех, что я помнил по материнскому срезу – ни намёка на унылую инфантильность молодежи информационной эпохи. Здешние двенадцатилетки серьёзнее, чем мои земляки, достигшие возраста алкогольной свободы. И сильно отличаются от старшего поколения. Их лица напоминают фотографии времён войны, с которых недетскими глазами смотрят стоящие на снарядных ящиках у станков подростки. Мне это совсем не нравилось, но во внутреннюю политику Коммуны я, разумеется, не лез.

На моих занятиях теперь частенько засыпали. Я ничуть не расстраивался, и запретил остальным их будить. Детскому организму сон приносит определённо больше пользы, чем лекции. Особенно мои.

Я читал два курса. В первую голову – теорию, условно говоря, вычислительных систем. В самом общем разрезе, без технической ерундистики. Рассказывал о том, что такое компьютеры, как устроены, какую роль они играют в разных сферах человеческой жизни, что могут, чего не могут и почему. Типа курса информатики для средних школ. Современным подросткам моего среза было бы скучно до зевоты – они окружены умной электроникой с детства и воспринимают её как нечто естественное. Но здешние слушали как научную фантастику.

Второй курс – микс из новейшей истории, философии и социологии материнского среза. Рассказы о том, «как там люди живут». Его было бы бесполезно послушать и моим бывшим юным землякам, но кто ж им даст? В тех школах запрещено рассказывать детям о том, как устроен мир. Только бумажная жвачка насмерть выхолощенных учебников. В Коммуне же, к моему удивлению, никому и в голову не приходило контролировать мои лекции. Во всяком случае, никто ни разу не сказал мне: «Что ты несёшь, Артём? Детям это рано/лишнее/сложно!».

---

<sup>4</sup> Группа быстрого реагирования. Пресловутая «кавалерия», которая должна прийти на помощь на последней секунде.

<sup>5</sup> Пистолет-пулемёт. Лучшее оружие для перестрелок в общественных туалетах.

Коммуна, несмотря на название, выглядела на удивление мало идеологизированным обществом. Или мне так казалось.

– Нет, Настенька, – терпеливо отвечал я белокурой девице в тревожно-оранжевом, как спасжилет, платье. – Твой вопрос не имеет ответа. В истории нет никакого «на самом деле». История – это своеобразный литературный жанр, книжная игра, если угодно. Историк изучает, что написали другие авторы до него, и, на основе их книг, пишет новую, которую, через годы, будут изучать следующие историки. Книжки о книжках, написанные по книжкам про книжки – это и есть наука история. Существенная часть того, что мы знаем, например, о Древней Греции, почерпнута из художественных книг слепого писателя Гомера, который, вполне возможно, сам является литературным персонажем, выдуманным Геродотом.

– Я не понимаю! – морщит тонкий прямой нос юная блондинка. – Ну ладно, Греция. Но ведь то, о чём вы рассказывали сегодня, случилось не так давно, есть люди, которые всё видели своими глазами! Почему нельзя просто спросить их?

– Это немного не так работает, – я придумывал на ходу, как объяснить этим сообразительным, но юным слушателям «феномен очевидца». – Давай попробуем на примерах, ты не против?

Девочка серьёзно кивнула, соглашаясь.

– Все мы знаем, что Коммуна сейчас в состоянии... ну, скажем, войны. Так?

Дети в аудитории оживились, в глаза засветился живой интерес, кто-то даже растолкал спящих рядом. Тема явно была всем близка.

– Это началось совсем недавно, то есть, ты видела всё своими глазами, верно?

– Да, конечно, – подтвердила девочка.

– А теперь давай представим, что прошло лет этак пятьдесят, и к тебе приходит твой внук!

Дети тихонько захихикали, фыркая в ладошки.

– Бабушка, бабушка Настя! – запищал я нарочито тонким голосом. – А расскажи, что случилось, когда на Коммуну напали?

Смешки усилились, но белобрысая ответила совершенно серьёзно, тщательно выбирая слова:

– Слушай, внучек! В тот год, когда мне исполнилось тринадцать лет, и я была совсем как ты сейчас, на нашу Коммуну напали Агрессоры!

«Агрессоры, значит, – подумал я, – вот и термин устаканился. Актуализация через символизацию. Их самоназвание „Комитет спасения“ звучит слишком двусмысленно».

Хихиканье в зале затихло, дети внимательно слушали.

– Тёмной ночью, когда все в Коммуне спали, с оружием в руках ворвались они через реперные точки в город и начали убивать направо и налево из своих страшных, пробивающих человека насквозь, скорострелок! Многих они успели убить, но наше ополчение бросилось на защиту мирных людей и отбило нападение. Тогда Агрессоры решили закрыть нам все пути и устроить блокаду. Они захватили наши реперы в других срезках, надеясь, что мы сдадимся. Но мы не сдались! Нам пришлось тяжело – наши ополченцы отбивали у врага репер за репером, многие из них погибли в бою. Некому было защищать Коммуну и мы, дети, сами взяли в руки оружие! Мы выстояли и не дали Агрессорам задушить нас в кольце блокады, но мы никогда не забудем тех, кто не дожил до победы!

Девочка замолчала, и дети в аудитории внезапно зааплодировали, разбудив последних спящих.

«Плывут пароходы – привет Мальчишу!», – невольно вспомнилось мне. Экая талантливая девчушка! Вот бы кому историю писать... До чего складно вышло! В конце концов, главное

в истории – как её отрефлексовал социум. Ну и дидактический пример для подрастающего поколения.

– Молодец! – совершенно искренне похвалил я девочку. – Отлично рассказала. Это настоящая История, именно это и будут учить в школе ваши внуки. А теперь давай посмотрим, что из этого ты видела на самом деле.

– Ну... – белобрысая растерялась. – Я проснулась от выстрелов...

– Вот здесь уже стоп, – прервал я её, – ты сразу поняла, что это выстрелы? Ты до этого слышала много выстрелов?

– Нет, – призналась смущённо девочка, – я не поняла, что это за шум, просто проснулась и забеспокоилась. Мне потом уже сказали, что это была стрельба...

– Дальше что было?

– Заработала сирена, мы все немного... Ладно, мы сильно испугались. Это не было похоже на учебную тревогу. Потом пришла Ирина, наша учительница.

«Ага, значит, живёт не в семье», – машинально отметил я. В Коммуне это было дело обычное, большинство детей лет с десяти живут в детских общежитиях, хотя некоторые ходят ночевать к родителям. Это, кажется, никак не регламентируется. Ну, или я не знаю каких-то неписанных правил. Я до сих пор не всегда ориентируюсь в здешних социальных умолчаниях.

– Она сказала, что всем детям надо срочно спуститься в Убежище. На лестнице было темно, горели аварийные лампы, но в Убежище зажгли свет. Там были другие дети и несколько учительниц, они сказали, что на Коммуну напали, но мы не должны волноваться, потому что ополчение нас защитит. Мальчишки требовали дать им оружие, но им не дали, конечно. Вот бы они навоевали тогда! – засмеялась она. – Ведь стрелять нас ещё не учили... Мы сидели там до утра, как будто в дни Катастрофы, а потом нам сказали, что всё закончилось, наши победили, и отпустили на занятия, или спать – кто как хочет...

– Ты, Настя, типичный свидетель исторических событий, – сказал я одобрительно. – Ты совершенно точно знаешь, что произошло, но при этом сама ничего не видела. Ты проснулась, какой-то шум, все испугались, побежали прятаться. И уже потом тебе объяснили, каким именно событиям ты была свидетелем. Причём объяснили люди, которые видели не больше тебя, и которым рассказали те, кто никак в происходящем не участвовал. Так и создается История.

– Но... – девочка заметно растерялась. – Разве всё было не так, как я сказала?

– Дело не в этом. Я сам тогда валялся со сломанной ногой и вообще всё проспал, так что всё, что я знаю – точно так же, с чужих слов. Более того, если поговорить с непосредственным участником – например, с тем, кто отражал нападение, – мы узнаем ненамного больше. «Из темноты выскочили какие-то люди, начали стрелять, я стрелял в ответ, друга убили, меня ранили, подошло подкрепление, их оттеснили обратно, меня унесли в госпиталь...» Так было, Юра? – обратился я к одному из сидящих на заднем ряду взрослых. (Послушать мои лекции приходили не только дети, и это было предметом моей умеренной гордости).

– Именно так, факт! – смущенно пробасил с заднего ряда Юрий Семяцкий. Я знал, что он был тогда в дежурной смене ополчения. – Чудом не убили меня! А кто, чего, зачем – это уж потом узнал. Не до того было...

– Так что, возвращаясь к первому вопросу: хотя мы своими глазами наблюдаем этот кризис, но какую версию «на самом деле» будут знать наши внуки, зависит от того, кто будет эту историю писать.

– А разве не вы? – спросили сразу несколько детских голосов.

Когда жизнь отчасти вернулась в мирную колею – работа с компьютерным железом, лекции в школе и так далее, – для меня пришло время вплотную взяться за новую обществен-

ную обязанность – историографию. Написание истории Коммуны, начиная от Катастрофы и до сегодняшнего дня. Вдохновленный этой идеей Председатель Совета, которого все звали просто «Палыч», безапелляционно назначил меня штатным хронистом: «Ты ж писатель? Вот ты и напишешь!».

Палыч обязал всех коммунаров первого поколения мне помогать: «Взбодрите память для общей пользы, товарищи! Поделитесь с молодёжью ценным опытом!» – но сам участвовать в исторических изысканиях не спешил. Остальные, если честно, тоже не рвались. В отличие от дежурных ветеранов моего школьного детства, всегда готовых в красках расписать, как они Берлин брали, здешние Первые отчего-то вспоминали прошлое весьма неохотно. То ли потому, что действительно хорошо его помнили, то ли потому, что там были не только героические страницы. Профессор Воронцов, который больше всех знал о первых днях Катастрофы, вообще бегал от меня, как чёрт от ладана, отмахиваясь от всех расспросов и ссылаясь на крайнюю занятость.

Моим главным историческим источником стала Ольга.

Мы больше не были парой – её вещи исчезли из шкафа в прихожей. Выселяться из «семейной» комнаты от меня никто не потребовал, так что я там и остался. Тем более, что от «несемейных» она отличалась только шириной кровати. В кровати было иногда одиноко, но, скорее, в части физиологии, чем всего прочего. Был ли я обижен на неё? Ну, разве что совсем чуть-чуть. Довольно глупо обижаться на человека, что он такой, какой есть. Правильнее винить себя за то, что оценил его неверно. Я же прекрасно знал, что «отношения» для Ольги – просто ещё один способ достижения целей.

Положа руку на сердце – я не очень по ней скучал. (Положа руку ниже – да, ещё как). Я знал, что рано или поздно мы расстанемся. И даже испытал некоторое облегчение, когда это, наконец, произошло. Если быть с собой неприятно-честным, то Ольга – не мой уровень. Она – героиня мифа, «та самая Громова». Она умна, красива, отважна и решительна. (А ещё у неё роскошная задница). Лучше не сравнивать с собой, впадёшь в рефлексию (нет, не по поводу задницы).

Ну и социальная роль «мужик Громовой» меня тоже временами утомляла. Женщины с нездоровым интересом высматривают «что она в нём нашла?». (Не туда смотрите, дамы! Моя сила в уме, обаянии и харизме!) А мужчины косятся с таким опасливым восхищением, как будто я самку гепарда трахаю. Ну, то есть она красивая, конечно, но не проще ли бабу найти?

Хотелось для разнообразия уже побыть просто собой.

В общем, мы общались не как разведённые супруги, а как старые знакомые. Это со всех сторон удобнее. Если выдавался свободный вечер, встречались за столиком ресторана. Ольга пила сухое вино, которое ей неизменно приносил Вазген, рассеянно крошила на тонкий лаваш домашний сыр – и рассказывала. Я записывал. Карандашом в подаренный лично Палычем для такого дела толстый блокнот – в красной кожаной обложке с тиснёной золотом надписью «Делегату партийной конференции». Наверное, он должен был настраивать меня на исторический лад. Восстанавливать писчий навык после клавиатурного было сущим мучением, но с ноутбуком тут неудобно – ни розеток, ни вайфая, да и столы на это не рассчитаны.

Ольга рассказывала отстранённо, как будто не про себя, а про какого-то другого, причём давно умершего, человека. С лёгким сожалением о его судьбе, но без эмоциональной связи. Я постепенно выстраивал для себя причудливую и неоднозначную картину событий. Впрочем, на некоторые вопросы она отказывалась отвечать наотрез: «Это не то, что стоит вносить в хроники, поверь мне...» или «Это закрытая информация, и лучше бы ей такой и остаться...». Иногда удавалось пригласить за наш столик кого-то из удачно подвернувшихся Первых (да хоть того же Вазгена, он, оказывается, долгое время тащил на себе всю хозчасть Института и

по многим событиям тех дней был в курсе поболее Палыча), но они не горели энтузиазмом. Клещами буквально приходилось тянуть подробности.

В общем, первоначальный энтузиазм Первых по мере написания истории Коммуны угасал тем быстрее, чем меньше она получалась похожей на героическую повесть для школьников.

## Коммунары. День до

– Вы очень красивая девушка, Ольга, – сказал Куратор. – Даже беременность вам идёт.  
– Спасибо, – ей было неловко и неприятно от этого разговора. Они стояли у окна в директорском кабинете, который Куратор без малейшего смущения занял, вытеснив Палыча в комнату зама. – Я принесла документы, как вы просили. Что-то ещё нужно?

– Да, – сказал этот странный, какой-то серый и блёклый человек. – Мне нужны вы, Ольга.

– Не поняла вас, товарищ...

– Завтра будет физпуск установки, и на этом моя работа тут закончится. Я уеду из Загорска-двенадцать туда, где будут строить настоящую, большую Установку, через которую пойдёт грузопоток. Я буду курировать целое направление! Не менее важное, чем атомный проект, который курировал Берия.

«Так вот кем ты себя видишь... – непроизвольно подумала Ольга, – новым Берией?»

«Лаврентий Палыч Берия не оправдал доверия...» – вспомнился ей стишок.

– Я предлагаю вам ехать со мной, Ольга.

– В каком качестве?

– В любом. Ребёнок меня не смущает.

– Я замужем, и не понимаю, о чём вы...

– Твой муж – старый инвалид на ничтожной должности без малейших перспектив. Начальник охраны Института? Синекура для ветерана, а не место. Он никто, бросай его.

– Вы с ума сошли? – Ольга задыхнулась от негодования. – Иван потерял ногу на войне, он герой, у него медаль «За отвагу»! И ничего он не старый, ему всего сорок два!

– А тебе двадцать три. Ты правда хочешь закопать себя тут, в этой глуши? В первом отделе бумажки переключивать? Ведь ты умная, амбициозная девушка, я вижу. У тебя большие способности.

– Мы разве уже на «ты»? – холодно ответила Ольга. – Я люблю своего мужа и не считаю допустимым разговор со мной в таком тоне. Вот документы, которые вы просили. Если вам больше ничего не нужно, я пойду, мне нужно переложить много бумажек в первом отделе.

– Подумайте о том, что я вам сказал, – ответил Куратор и отвернулся к окну. – Иначе будете жалеть о своём решении.

Ольга вышла из кабинета и долгое время просто брела, не понимая куда, пока не пришла в себя на лавочке в парке. И такого человека партия поставила Куратором проекта? Как это могло случиться? Неужели не разглядели за деловыми качествами порочную личность? Или это какая-то проверка?

Подумав, Ольга решила не говорить ничего мужу. Он слишком её любит и может поступить необдуманно. Завтра установка заработает, Куратор уедет, и всё закончится.

«Как он посмел так говорить про Ивана! – думала она. – Про этого замечательного, умного, честного и сильного человека!».

Ольга действительно любила своего мужа. Неважно, что он старше. Зато сколько он всего знает и умеет! А как интересно рассказывает! И какой сильный! Подумаешь, ноги ниже колена нет – он и на протезе успевает столько, что иной и на двух ногах не угонится.

Прогулявшись и успокоившись, она вернулась в институт, где вскоре состоялось совещание.

– Я предлагаю отложить пуск на два месяца, – скучно и монотонно докладывал Матвеев.

– На каком основании? – возмущался Воронцов.

– Во-первых, наш реактор практически выработал топливо и рабочий ресурс. К нам уже выехали специалисты с Севфлота, руководить перезагрузкой ТВЭЛов. Заодно проведём про-

филактику, заменим паропроводы, а то заплатата на заплате. Текущее состояние реактора не позволяет использовать его на полной мощности.

– Нам хватит! Расчеты показывают...

– И о расчетах, – перебил его Матвеев. – Их результат неоднозначен. Воспроизведение эффекта прокола на больших мощностях может вызвать фазовые сдвиги с непредсказуемыми последствиями.

– Это только ваше мнение! – горячился Воронцов.

– А вы здесь видите ещё какого-нибудь специалиста по физике Мультиверсума? Чтобы сравнить мнения?

Воронцов заметно обиделся. Ольга подумала, что Матвеев, конечно, гениальный учёный, но ладить с людьми у него получается не очень хорошо.

– Товарищи! – сказал свое веское слово директор. – Спокойнее! Нам надо принять решение по физическому пуску установки. Матвеев считает, что мы не готовы...

– Я глубоко уважаю товарища Матвеева как учёного, – твёрдо заявил Воронцов, – но за установку отвечаю я. И я готов ответить перед партией, если она не заработает!

Воцарилась напряжённая тишина.

– Так, – сказал вдруг Куратор, – я не учёный, но я знаю, что партия и правительство ждут от нас немедленного решения вопроса совмещённых территорий. Вы все знаете международную обстановку, какая напряжённая техническая гонка идёт между нашей страной и империалистическими державами Запада. Мне не надо объяснять вам, какое преимущество получит советский народ, если ему будет куда укрыть мирное население и материальные ценности на случай весьма вероятного атомного конфликта. Каждый день промедления увеличивает риск того, что о вашем – нашем! – проекте узнают западные разведки. И что тогда произойдет, как вы думаете?

Ему никто не ответил, и он продолжил:

– А я скажу вам – война начнётся уже на следующий день. Империалисты пойдут на всё, чтобы мы не успели реализовать преимущество, которое сделает Советский Союз неуязвимым для их атомного оружия! Наши атомщики, офицеры-подводники, лётчики-испытатели, ракетчики и другие советские специалисты ежедневно рискуют своими жизнями, чтобы обеспечить страну новейшим оружием и средствами защиты, так что нам ли с вами говорить о рисках?

У Ольги опять возникло неприятное ощущение, что все эти совершенно правильные слова, с которыми она всем сердцем согласна, произносятся как-то не так. Отвратительная, недостойная мысль, что этого человека на самом деле волнует лишь его личный карьерный успех, занозой застряла в голове.

– Товарищи, – поднялся из-за стола директор, – давайте посмотрим на это как учёные, без эмоций.

– Сергей Яковлевич – обратился он к Воронцову, – допустим – только допустим, – что установка сработает нештатно. Что может произойти в этом случае?

– Мы сожжём впустую десяток мегаватт, – пожал плечами Воронцов, – но реактор у нас свой. Да, ресурс парогенераторов на исходе и ТВЭЛы почти выработаны, но на один запуск их хватит, а потом мы все равно собирались расхоложивать его для перезагрузки.

– А он не может... Ну, взорваться? – поинтересовался Куратор.

«А как же: «Нам ли говорить о рисках?» – Ольге захотелось вернуть ему его же слова, но она, конечно, промолчала.

– Физика водо-водяных реакторов такова, что даже в случае мгновенного бесконтрольного повышения мощности атомного взрыва не случится, – пояснил Воронцов. – С ростом мощности увеличивается температура, следовательно, уменьшается реактивность, и мощность опять падает.

– А вы что скажете, Игорь Иванович? – директор повернулся к Матвееву.

– Меня смущают два момента, – ответил тот. – Первый – из-за состояния реактора у нас не будет резерва по мощности и ресурсу. Однократный запуск на трёх четвертях от максимума – и никакой второй попытки.

– Она не понадобится! – подскочил Воронцов.

– И второй, – продолжил Матвеев невозмутимо. – Есть неопределённость в результатах расчетов. Мы до сих пор не очень понимаем, как меняется фаза поля от градиента мощности...

– Давай так, Игорь, – перебил его Лебедев, перейдя на «ты». – Что может случиться?

– Не знаю, Палыч, – неожиданно тихо и как-то устало ответил учёный. – И это-то мне и не нравится.

– Пойми, твоё «не знаю», против «я уверен» Сергея...

– Именно этим и отличается настоящий учёный от...

– От кого? – запальчиво вскричал Воронцов. – Давайте, Матвеев, назовите меня в лицо... Как вы там меня называете? «Слесарь от науки», да? Так вот, товарищ Лебедев! Я официально прошу вас оградить меня от инсинуаций этого волюнтариста!

– Ничего себе загнул! – удивлённо покачал головой Матвеев.

Вечером Ольга пришла в их крохотную, но отдельную квартирку в жилом корпусе. Засидевшийся допоздна над работой муж отложил бумаги, немного неловко встал, высвобождая из-за стола протез, но, сделав шаг навстречу, обнял её как всегда – тепло и крепко, так, что сердце на секунду зашло от этой близости.

– Как ты, дорогая? И как он? – спросил Иван, положив широкую сильную ладонь на её округлившийся живот.

– Что сразу «он»? – засмеялась Ольга. – Может, «она».

– Нет, это сын, я чувствую, – ответил муж серьёзно.

– Толкается. Лизавета Львовна говорит – всё хорошо, анализы в норме.

– Лизавета – биохимик, а не гинеколог...

– У неё есть медицинское образование, а главное – у неё своих трое, так что практического опыта ей не занимать, – улыбнулась Ольга.

– Береги себя, ты много работаешь. Совсем загонял тебя этот Куратор.

Наверное, Ольга непроизвольно напряглась, потому что Иван вдруг отодвинулся, внимательно посмотрел ей в глаза и спросил:

– Всё нормально, Рыжик? Он тебя не обижает?

– Ничего страшного, – быстро сказала девушка. – Просто устала немного. В любом случае завтра он уедет.

Муж недоверчиво покачал головой, но развивать тему не стал, спросив только:

– Завтра? Значит, решились всё-таки?

– Да, утром будет физический пуск.

– Не послушали, значит, Матвеева...

– Вот вам и «режим строгой секретности», – рассмеялась Ольга. – Все всё знают!

– Что ты хочешь, «Загорск-дюжина» – как деревня. Слухи разлетаются моментально. Но вот что я тебе скажу... – он сделал паузу. – Я Матвееву верю больше, чем всем остальным. Он один понимает, как это всё работает. Так что, если он сомневается – то и ты поостерегись. Стой там подальше, что ли... А лучше – вообще не ходи на этот пуск. В твоём положении...

– Нет, – решительно сказала Ольга. – Мы все работали ради этого дня. И у меня всего седьмой месяц, рано ещё изображать наседку на яйцах.

– Люблю тебя, Рыжик, – обнял её муж.

– И я тебя. Пошли в кровать, Лизавета Львовна сказала, мне пока можно... Или ты снова будешь сомневаться в её компетенции?

– В этом вопросе я ей полностью доверяю!

## Историограф. «Обратная сторона любви»

– А не хочешь прогуляться? – спросил Борух таким неестественно-бодрым тоном, что я сразу насторожился. – В хорошей компании на пленэр... Как в старые добрые?

– Боря, не пугай меня... Что стряслось?

– Ну что ты сразу? Ещё ничего. Просто намечается интересная экспедиция, и я подумал: «Ба! А ведь нашему другу-писателю это дало бы кучу новых впечатлений!»

– Боря...

– Ладно, ладно. Ты же знаешь, что мы ищем базовый срез этих... Как их там сейчас называют?

– Агрессоров?

– Ага, их, чтоб им повылазило, – закивал Борух. – И наши аналитики...

– Какие «наши аналитики»? Откуда у нас аналитики?

– Подловил, – признался Борух, – не наши. Ну, то есть, не совсем наши. Помнишь забавного бородатого поца, который жену свою искал?

Я вспомнил. Мне он не показался таким уж «забавным» – вполне адекватный мужик. Учитывая, конечно, обстоятельства.

– Позывной «Зелёный»? Погонщик троллейбуса?

– В точку. Поц, оказывается, не только по троллейбусам горазд. Умеет какие-то «графы и таймлайны» – только не спрашивай меня, что это. Андрей с ним договорился, и он по нашим данным что-то вычислил.

– Круто, – настороженно признал я. – А я причём?

– Тут, понимаешь, такое дело...

Я вздохнул, закатил глаза и демонстративно посмотрел на часы. У меня сегодня ещё была лекция.

– Короче, туда надо идти сложным путем, через несколько транзитных реперов. А у тебя по этим делам довольно приличный опыт...

– Я далеко не самый опытный оператор, – тут же открестился я.

И это я себе польстил – в Коммуне несколько зубров, по сравнению с которыми я даже не птенец – а так, яйцо недовысранное.

– Зато ты в теме, – не сдавался Борух. – Совет не хочет увеличивать число посвящённых, а ты уже и так во всем этом по уши. Ха! – он звонко хлопнул себя тактической перчаткой по наколеннику. – Это они ещё не знают, что мы стороннего аналитика привлекали! У Палыча бы остатний глаз от злости выскочил!

– Это ж Ольгина идея, да? – дошло до меня, как до жирафа.

– Ну, если честно... Просто ей как-то неловко самой к тебе подкатить.

– Ольге – и неловко?

– Ну, она ж тоже живой человек, как ни крути. Ты отказался быть её оператором, она уважает твоё решение. Но обстоятельства...

– Стоп, у неё же есть оператор. Андираос, белокурая бестия, истинный ари... то есть, альтерионец, конечно.

– Ревнуешь?

– Ещё чего! – сказал я Самым Честным Тонем, какой сумел в себе отыскать.

Борух внимательно на меня посмотрел, покачал головой, пощипал зубом, но комментировать не стал. И правильно, и не надо.

– Андрюха в первую голову проводник, – пояснил бывший майор. Или майоры бывшими не бывают? – Это не то же самое. Воронцов его немного натаскал с планшетом, резонансы он худо-бедно находит. Но, если проводник он один из лучших, то оператор так себе, очень

средненький, уровня «ослика». А на транзитных реперах, сам знаешь – только от чутья зависит, прямо мы пойдем или будем петли нарезать для триангуляции. Кроме того, если в команде разом и проводник, и оператор, то шансы унести ноги становятся сильно выше.

– В общем, – Борух поднялся с садовой скамейки, на которой мы беседовали, – мне тоже с тобой было бы спокойнее. Ты редкостно везучий.

– Везучий? – я удивлённо смотрел вслед Боруху. – Издеваешься?

Везение – штука амбивалентная. Если ты упал в море говна, но выплыл – ты везунчик или наоборот? С одной стороны – выплыл же! Не утонул! С другой – упал же! В говно!

Всегда считал себя скорее выплывшим, чем везучим, но это как с наполовину пустым или полным стаканом. Чужой всегда выглядит полнее своего.

– Нет, это не совсем так, Настя, – сегодня спящих на лекции не видно, да и задние ряды заполнены взрослыми коммунарами гораздо плотнее, чем обычно. Видимо, прошёл слух, что я рассказываю что-то интересное.

– Даже рискну утверждать, что совсем не так.

Белобрысая любительница сложных вопросов сегодня в ударе. Приходится отдуваться. Уводит, конечно, дискуссию в сторону, ну да ладно. На самом деле она мне нравится – умная девочка, и с характером. И ещё – есть в ней лёгкая чертовщинка какая-то. Некое трудно уловимое отличие от остальных.

– Война вовсе не является форс-мажором для социума. Что? Да, простите. Не является экстраординарной ситуацией, можно так сказать. Запишите: «форс-мажор» – юридический термин, означает возникновение внешних обстоятельств непреодолимой силы, препятствующих выполнению обязательств по некоей сделке. Пояснить нужно? Поясняю:

Вот, допустим, ты, Настя, обещаешь Вазгену Георгиевичу собрать помидоры в его парнике в обмен на десять порций шашлыка – чтобы накормить друзей на день рождения. Шашлык вы слопаете, а на парник набегут мантисы, и собирать будет нечего – вот это будет форс-мажор. В этом случае вы не будете виноваты, что не собрали, понятно?

Я переждал гомон детских голосов, обсуждающих эквивалентность шашлыка и сбора помидоров с неожиданным выводом, что дядя Вазген не жадный, и шашлык просто так даст. А если помидоры надо собрать – то пусть попросит, они помогут. Осознание товарно-денежных отношений даётся здешним детям с трудом.

– Итак, возвращаясь к войне, – перешёптывания моментально стихли. – Война для человека – это норма, а не исключение. В одном только двадцатом веке кроме известных вам двух мировых войн произошло более трёхсот пятидесяти локальных военных конфликтов. После сорок пятого года, то есть в условно «мирное время», в военных действиях погибло более тридцати пяти миллионов человек. И это не характерная примета новейшей истории, нет. В конце девятнадцатого века подсчитали, что за предыдущие двести лет Россия была в состоянии войны сто двадцать восемь лет. С четырнадцатого века по двадцатый насчитали триста двадцать девять лет войны. Две трети истории воюем, одну – отдыхаем. Долгое время думали, что раньше было лучше. Что война – порождение более-менее развитых цивилизаций, которым есть что делить в мире. Но потом антропологи, исследующие жизнь диких примитивных племён, выяснили, что девяносто пять процентов таких обществ, имеющих самый разный уклад и культуру, постоянно воюют.

– А пять процентов? – немедленно спросила белобрысая Настя. У этой не соскочишь...

– Пять процентов – это изолированные племена, которые и рады бы подраться – но не с кем.

– Как мы? – хихикнул кто-то из середины аудитории.

– Да, как вы, – подтвердил я совершенно серьёзно. – Но, как только обстоятельства меняются, и они начинают соприкасаться с другими народами, тут же начинается взаимная резня. В норме для примитивных племён смертность от военных действий составляет до тридцати

пяти процентов мужского населения. То есть, если бы вы были какими-нибудь индейцами... Знаете, кто такие индейцы?

Дети закивали, кто-то изобразил пантомимой луки и томагавки. Наверное, в здешней библиотеке есть книги Фенимора Купера.

– Так вот, если бы вы были индейцами, треть мальчиков погибала бы в непрерывных племенных войнах. Цивилизация, при всей видимой масштабности современных баталлий, этот процент не увеличила, а очень сильно сократила. В самой масштабной – пока – войне современности, Второй Мировой, наша – то есть, в некотором роде, и ваша, – страна потеряла около двадцати миллионов человек. Это чудовищная цифра, но это всего двенадцать процентов населения. В самые тяжёлые годы войны общая смертность не поднималась выше двадцати процентов. У индейского мальчика шансов выжить было куда меньше.

Дети призадумались. Я подумал, что только что здорово снизил популярность игры в индейцев. Если, конечно, здешние дети в них играли. Они вообще играют? Ни разу не видел.

– Первые хомосапиенсы из верхнего палеолита долбали друг друга каменными топорами по чём зря. Следы на костях в захоронениях говорят об этом со всей определённойностью. Да что там, даже шимпанзе, наиболее близкие к нам по организации общества обезьяны, и те не дураки повоевать. А уж когда население северного Причерноморья в конце четвёртого тысячелетия до нашей эры научилось плавить бронзу и запрягать лошадь в колесницу... От Шотландии до Памира не осталось мужчин другого племени, только исследования ДНК позволили учёным судить о существовавшем там раньше человеческом многообразии.

– Но почему? Почему люди такие... злые? – ну вот, моя белобрысая оппонентка чуть не плачет.

– Ты не права, Настя, – мягко ответил я. – Люди воюют не потому, что злые, а потому, что добрые.

Оглядел притихшую аудиторию и продолжил:

– Любой социум – племя, народ, Коммуна – существует благодаря присущему людям как виду альтруизму, способности поступиться своими интересами ради интересов другого. Из него происходит такое прекрасное явление, как бескорыстная помощь близким, которую мы называем «добротой». Природа дала нам её не просто так – доброта позволила людям создавать устойчивые коалиции, объединяться для достижения совместных целей. Именно доброта, сопереживание близким, сделала человека, не самое сильное физически млекопитающее, доминирующим видом. Но есть у неё и обратная сторона. Альтруизм неразрывно связан с так называемым «парохиализмом» – запишите это слово, пригодится, – разделением окружающих на «своих» и «чужих».

Дети заскрипели карандашами, а я, подождав, пока они допишут, продолжил:

– Ненависть к чужим является обратной стороной любви к своим, а воинственность является неизбежным спутником дружелюбия. Вы сейчас учитесь воевать, тренируетесь с оружием, стоите на постах, готовые стрелять, не потому, что ненавидите врагов, а потому, что любите друзей. Разве вас ведёт ненависть?

Нет, вас ведёт любовь...

## Коммунары. День после

– Бред какой-то... – растерянный Лебедев повесил трубку телефона. – Мигель, сбегай наверх, посмотри, что у них там стряслось.

Младший научный сотрудник отдраил закрытую на время эксперимента гермодверь и быстро затопал вверх по лестнице, поднимаясь из расположенной глубоко под землей лаборатории.

– Мне кто-нибудь объяснит, что случилось? – неприятным голосом спросил Куратор.

Ему никто не ответил – учёные собрались над столом, раскатав по нему ленты самописцев, и увлечённо указывали друг другу на какие-то пики и провалы.

Директор подошёл к двери в машинный зал и выпустил оттуда, наконец, Андрея.

– А чего выключили? – сразу спросил тот. – Я почувствовал – прокол был, но не успел даже шаг сделать...

– Не выключили, – не отрываясь от бумажных лент, сказал Матвеев. – Фаза перескочила. Вот, посмотрите – градиент мощности, как я и говорил. Если бы мы сразу дали полную, работало бы штатно, а при ступенчатом наращивании фаза у нас загуляла...

– Да, действительно... – нехотя признал Воронцов. – Совсем чуть-чуть не хватило. Если бы реактор...

– То есть, опыт можно повторить? – быстро спросил Куратор.

– Да, конечно, если реактор... Сейчас... – Лебедев снял трубку телефона и крутнул диск. – Реакторная? Николай Никифорович, что там у вас?

Он молча слушал трубку. По лицу его Ольга догадалась, что с реактором не всё хорошо.

– Течи в первом контуре, выдавило уплотнения, активная вода в помещении. Собирают тряпками в вёдра, по очереди, чтобы много бэр не набрать. Надо расхоложивать ГЭУ<sup>6</sup> и устранять.

– Это долго?

– Трое-четверо суток. Сначала сбрасывать температуру активной зоны, затем выгружать защиту – свинцовые плиты и засыпку, только потом переваривать паропроводы. Но мы все равно планировали перезагрузку ТВЭЛов, их уже доставили из Обнинска. Как раз, пока расхолодим установку, и флотские подъедут.

– Флотские?

– У нас установлен реактор ВМ-А, один из прототипов, разрабатывавшихся для подводных лодок. Опыт его перезарядки есть только у моряков.

– То есть, повторить эксперимент вы сможете не ранее, чем через неделю?

– Скорее, через месяц.

– Понятно, – Куратор задумался.

Ольга искренне надеялась, что на это время он уедет туда, откуда он обычно появлялся, а не будет торчать в «Загорске-12», не давая ей спокойно работать.

На лестнице раздались быстрые и характерно неровные шаги, сопровождаемые стуком трости о ступени.

– Оленька, с тобой всё в порядке? – по лестнице, торопясь, спускался обеспокоенный Иван.

– Иван! – воскликнул обрадованный директор. – Что за паникёры в дежурке? Что за чушь несут твои охранники?

– Не чушь, – начальник охраны обнял жену. – Я, Палыч, по-твоему, от скуки на протезе по лестницам скачу?

---

<sup>6</sup> Здесь: газотурбинная энергетическая установка.

– Да что там у вас?  
– У нас? Это я хотел спросить – а что у нас? Это вы учёные, а мы так, «через день – на ремень».

– Да что случилось-то?

– В девять сорок две, – чётко, по-военному доложил Громов, – прошёл короткий воздушный фронт, как волна от отдалённого взрыва. Одновременно прекратилась подача электричества, и наступила темнота.

– Темнота?

– Естественное освещение тоже... хм... погасло. На улице темно, как в новолуние. Даже темнее – совершенно нет звёзд.

Все с удивлением и недоверием уставились на Громова, но его вид исключал вероятность глупой шутки. Серьёзный человек, начальник охраны института. Ответственный.

– А почему в лаборатории свет горит? – спросил Куратор.

– Она запитана от нашего реактора. А остальные помещения – от городской линии, – пояснил Воронцов.

– Реактор! – спохватился директор и кинулся к телефону внутренней связи.

– Никифорыч! Никифорыч, дорогой, не глуши пока! – закричал он в трубку, – Да! Понимаю, да! Держитесь там, как хотите, откачивайте, но оставьте на минимуме! На городской линии обрыв, только на вас надежда... Да, да, верю! Но хотя бы несколько часов продержитесь, без вас никак! Да, подпишу, и даже по двести грамм! Только сейчас не глушите!

Он отключился и растерянно оглядел собравшихся.

– Долго не смогут, уже по двадцать-тридцать максимумов схватили. Течёт контур. Надо дать свет в здание, во избежание паники.

– Распределительный узел на первом этаже, в подкорпусе «Б», – сказал хорошо знающий местное хозяйство комендант.

– Пойдёмте наверх, товарищи, тут пока делать нечего... – с сожалением констатировал директор, глядя на ворох контрольных лент.

Ольге пришлось помогать мужу – вниз он сбегал по крутой лестнице достаточно легко, а вот подниматься наверх мешало плохо гнущийся протез. Она подставила Ивану плечо. Он не отказался, понимая, что иначе будет всех задерживать, но старался не опираться, чтобы не нагружать беременную жену. Получалось неловко и неудобно. Ольга почти физически чувствовала, как сзади её сверлит своим рыбьим взглядом Куратор.

Ушедшие далеко вперёд учёные столпились в конце лестницы, на площадке, не зная, как быть дальше – в коридорах института царил полная, непроглядная темнота. Так что комендант ждать всё равно пришлось, фонарик оказался только у него. Квадратный сигнальный фонарь светил не очень ярко, видимо, батарейка уже подсаживалась, но без него двигаться было вообще невозможно – кажется, Ольга никогда в жизни не была в такой полной темноте.

На первом этаже было пусто. Испытания установки специально устроили в выходной, чтобы поменьше народу – можно было переключить на себя все ресурсы реактора без риска сорвать работу коллег. Тёмные безлюдные коридоры, слабый круг света фонаря – у Ольги даже возникло какое-то детское ощущение приключения. Ей не было страшно, пока она не услышала тихий разговор мужа с директором.

– Думаешь, война, Иван? – спрашивал Лебедев, понизив голос.

– А что мне ещё думать, Палыч? Электричество погасло, связи нет даже по «вертушке», радио молчит, темнота эта...

– Не понимаю... Почему так темно? – задумчиво спросил директор, но никто ему не ответил.

– Слышите? – Ольга взяла мужа за плечо. – Прислушайтесь!

Все остановились на полушаге и застыли. В неестественной тишине замершего в темноте института послышался тихий, но отчётливый детский плач.

– Ребёнок? – спросил удивлённый Куратор. – У вас тут есть дети?

– Откуда? – отмахнулся Лебедев.

– Кажется, даже не один... – Ольге теперь казалось, что плачут несколько детей.

– Может, какой-то акустический эффект? Большое пустое здание, сквозняки какие-нибудь... – неуверенно сказал, невольно понизив голос, Воронцов.

– Откуда звук? – спросил Иван. – Не могу понять, такая странная акустика. Гулкое всё почему-то...

– Потому что тихо и людей нет, – сказал Матвеев. – Кажется, из того коридора доносится.

– Надо идти к распределительному узлу, – сказал Куратор. – Остальное подождёт.

– Там дети, – настойчиво сказала Ольга. Все замолчали, и в тишине детский плач зазвучал отчётливее.

Иван молча направился туда, откуда доносился звук. Поскольку фонарик был один, остальным волей-неволей пришлось за ним последовать. Вышли в один из вестибюлей. В совершенно темном большом зале пятно света от фонарика выглядело особенно жалко, большие окна на улицу были неестественно черны. Плач слышался здесь совершенно явственно, можно было разобрать, что плачут несколько детей, и тихий женский голос их утешает. Откуда доносится звук – не понять, в большом помещении с колоннами он причудливо переотражался.

– Эй, кто там! – закричала в темноту Ольга. – Товарищи, где вы?

Плач замолк.

– Э-ге-гей! – громко крикнул Иван. – Кто там ревет? Вы где?

– Мы здесь, здесь! – донёсся откуда-то женский голос. – Тут темно, и мы не знаем, куда идти! Мы в какой-то комнате...

– Выходите в коридор и кричите!

Вдалеке скрипнула дверь, раздался приглушенный гомон детских голосов.

– Мы здесь! Ау! – закричала где-то в темноте женщина.

– Этот коридор, – уверенно сказал Иван.

– Мы идём к вам, стойте на месте! – крикнула в ответ Ольга.

– Мы видим ваш фонарик!

Пробежав метров пятьдесят коридора, они увидели два десятка разновозрастных детей, жмущихся к невысокой брюнетке. Младшие шмыгали носами и размазывали слезы по физиономии, старшие делали вид, что ничуть не напуганы.

– Швейцер, Анна Абрамовна, завуч первой школы, – представилась женщина. – А это мои дети... То есть, ученики, конечно.

– Что вы здесь делаете, Анна Абрамовна? – спросил директор. – Откуда дети?

– Экскурсия у нас, в рамках профориентации. Организовал Дом Пионеров и ваш администратор, Вазген Георгиевич.

– Точно! – хлопнул себя по лбу Иван. – Вазген же подавал заявку! Я и забыл совсем. И твоя подпись, Палыч, там точно была.

– Да, – неуверенно сказал Лебедев. – Что-то такое припоминаю... А где ваш сопровождающий?

– Когда свет погас, Вазген Георгиевич завёл нас в кабинет, сказал ждать, а сам ушёл. А что случилось? Авария? Дети напуганы...

– Я писать хочу! – сказала маленькая девочка, на вид лет семи, не больше.

– И я, и я! – откликнулись другие.

– И кушать... – сказал неожиданным ломающимся баском сутулый худой подросток.

– Сейчас организуем! – Ольга присела, придерживая рукой живот, на корточках рядом с маленькой девочкой. – Как тебя зовут, малышка?

- Марина! Марина Симонова!
- Не бойся, Марина Симонова, всё будет хорошо.
- И свет будет?
- Обязательно будет!

В этот момент, как по заказу, загудели и зажглись лампы. Одна через две, тускло, но вокруг сразу всё изменилось – обычный коридор, привычная обстановка, только окна темные, как будто на улице ночь.

- Тётя, ты волшебница? – поражённо спросила девочка.
- Что? А, нет, ну что ты, милая...

Но девочка продолжала смотреть на неё с восторгом и восхищением.

– Так, туалет в конце коридора, – распорядился Иван. – Оль, отведи туда детей, потом собираемся в вестибюле. Не разбредаться! Кто голодный – потерпите, чуть позже организуем питание в столовой.

В вестибюль постепенно собирались и другие учёные. Когда зажёгся свет, они начали спускаться из своих кабинетов и лабораторий. Ольга с Анной, сводив детей в туалет, вернулись к остальным, а Лебедев, взяв микрофон системы оповещения ГО с расположенного у входа пульты охраны, заговорил в трансляцию:

– Внимание, внимание! Говорит директор Института Терминальных Исследований Арсений Павлович Лебедев! Товарищи сотрудники, прошу всех срочно собраться в вестибюле первого корпуса! Повторяю...

Одним из первых пришёл потерявшийся было Мигель. Он обеспечил свет, переключив на распределительном щитке питание с городской линии на реакторную. Вернувшись затем в лабораторию, обнаружил её опустевшей, и, пока не заговорила система оповещения, не знал, куда все делись. Он подтвердил то, что все уже видели своими глазами – на улице царил полнейшая, без малейшего проблеска, темнота.

Люди всё собирались, вестибюль заполнялся – несмотря на выходной день, в институте оказалось довольно много сотрудников, предпочитающих тратить личное время на дополнительные исследования, а не на отдых. Из здания реакторной по подземному переходу пришёл начальник энергетиков – Николай Никифорович Подопригора.

– Не пидходь, Палыч, – сказал он устало. – Счётчик вид мене як трискачка – дыр-дыр-дыр... Всё, глушимо. Не можно дали.

Выходец из Львова, главный энергетик института разговаривал, с точки зрения Ольги, забавно, но сейчас его выговор не веселил. Бледный до синевы и еле держащийся на ногах, Николай явно подошёл к пределу человеческих сил и возможностей.

– Запустимо аварийные дизеля, скільки-то в сеть дадим. А реактор глушимо, активной воды по колина. Трое вже лежать, кровью блюют. Остальным я горилки видав, пусть выводят хлопцы радиацию...

– Понял тебя, Коля, – ответил Лебедев. – Сколько топлива на дизеля?

– На сутки, много на двое – якщо з гаража подтащить...

– Обеспечим. Глуши, расхоложивай, отдыхай. Как отдохнёте – готовьте реактор к перезагрузке топлива.

Николай, по большой дуге обходя скопления людей и жестами отгоняя приближавшихся, убрёл обратно в свои владения. Ольга сочувственно смотрела ему вслед – сильный и добрый, хотя по-сельски хитроватый институтский энергетик был ей симпатичен. Его манера нарочито говорить на каком-то суржике казалась ей смешной оригинальностью. А муж морщился, качал головой и даже выговаривал: «Выйдет тебе, Коля, когда-нибудь боком эта бандеровщина...». «Хрущ не выдаст, свинья не съест!» – смеялся тот.

– Все собрались? – спросил Лебедев людей. – Итак, товарищи! Мы пока не знаем точно, что произошло, но обязаны предполагать худшее. Все мы знаем, какая сложная международная обстановка в мире, как велика напряжённость, и как американский империализм...

– Палыч, ты политинформацию не разводи! – крикнул кто-то из собравшихся. – Что случилось-то?

– Возможно, это война, товарищи!

Люди на секунду умолкли, а потом загомонили, перебивая друг друга. Ольга почти не помнила войну, как не помнила ушедшего на неё и не вернувшегося отца. В памяти осталось только ощущение постоянного голода и холода. И ещё страх – когда их, одних детей, без родителей, вывозили под бомбами по льду из умирающего Ленинграда. Ей было всего шесть, и мать она больше не видела – в эвакуации её приняла в семью тетка, двоюродная сестра отца. Но многие здесь помнили войну отлично, а то и сами успели повоевать. На праздники боевые ордена и медали украшали грудь каждого второго мужчины и многих женщин. Война – это самое страшное слово, которое можно было услышать сегодня.

– Что с материка сообщают?

В «Загорске-12», городе закрытом, бытовало «островное» ощущение жизни, и всё, что за периметром охраны, называли «материком».

– По проводам связи нет, товарищи, эфир тоже молчит. Поэтому первым делом я попрошу наших радистов... Леонид Андреевич, вы здесь?

– Здесь, – откликнулся начальник лаборатории электромагнитных исследований.

– Что у вас с оборудованием?

– У нас, среди прочего, есть всеволновая станция, но питание... Всё, кроме освещения, обесточено.

– Питание вам дадим, согласуйте с электриками, пусть включат силовую.

– А нам, а нам? – загомонили остальные.

– Спокойно, товарищи! Энергия пока в дефиците...

Как бы подтверждая его слова, свет моргнул, погас, и начал медленно разгораться снова.

– На дизель перешли, – сказал Мигель. – Пойду, отключу наружную подсветку и верхние этажи.

Он направился было к коридору, но директор его остановил.

– Мигель, подсветку наоборот включи всю – и фасад, и парадный вход.

– Но солярка...

– Лучше погаси внутреннее освещение, оставь аварийную линию. В городе света нет, пусть видят, что здесь люди, и идут сюда.

– Война, говоришь?.. – тихо спросил Матвеев.

– А что ещё, Игорь? Только вот оружия такого, чтобы Солнце погасло, я до сих пор не видал...

– Зато я видал, – ответил учёный.

– Это где же? Когда? – вскинулся Лебедев.

– А вот сегодня, в лаборатории.

– Ты о чём это?

– Это он, товарищ директор, – раздражённо сказал Воронцов, – на установку нашу намекает. Это всё, Игорь Иванович, ваши ничем не подтверждённые теории.

– Ничем, значит, не подтверждённые... – посмотрел в чёрное окно Матвеев. – Ну-ну.

Воронцов только отмахнулся с досадой.

Ольга отметила, что в отличие от скептически настроенного директора и злыщего Воронцова, Куратор слушал Матвеева очень внимательно.

Горящие половиной ламп люстры вестибюля погасли, на стенах зажглись тусклые светильники аварийной линии. Зато окна засветились отражённым светом наружной подсветки здания.

– Товарищи, нужны добровольцы! – объявил Лебедев громко. – Нужно доставить солярку из институтского гаража к энергетикам.

– Мы сходим! – вперёд неожиданно выступил Куратор, держа за локоть своего протеже Андрея.

Ольга удивилась – он никак не казался ей человеком, готовым добровольно взяться за таскание бочек с топливом.

– Где тут у вас гараж?

– Я покажу, – сказал Иван. – Пойдёмте. Надо только фонари взять в пультовой.

– Я с тобой, – быстро сказала Ольга.

– Дорогая, но... мы быстро, не переживай.

– Прогуляюсь с вами, душно. И вообще... – Ольга сама не была уверена, зачем ей это нужно. Наверное, просто боялась остаться одна, без Ивана.

На улице было не просто темно, как бывает ночью. На улице была крошечная тьма, какой Ольга никогда в жизни не видела. Она обволакивала, давила на психику, пугала и тревожила воображение. Казалось, что кто-то смотрит в спину. Когда повернули за угол, сияние фасадной подсветки Института кануло в ночи. Большие аккумуляторные фонари стали давать резкие ломаные тени, от движения которых девушка вздрагивала.

С ними пошли два молодых техника – Сергей и Василий, мобилизованные по признаку физической силы. Два лихих парня, спортсмены-многоборцы, грудь колесом – но и им было явно не по себе. Они нервно оглядывались по сторонам, а посмотрев в небо, один из них (Ольга так и не поняла, кто Сергей, а кто Василий, они вообще выглядели как братья – в одинаковых серых просторных штанах и белых рубахах) вдруг зашатался и схватился за плечо второго, чтобы не упасть. Девушка подняла глаза, и сама присела на бетонное основание ограды – над ней, там, где полагалось быть небу, было нечто чернее самой тьмы, но при этом как будто состоящее из мириад чёрных, немислимым образом различных на чёрном же фоне, точек. И оно неуловимо двигалось. Это было похоже на текущую по низкому небесному своду угольную пыль. И сразу начала ужасно кружиться голова.

– Что это, Вань? – спросила Ольга жалобно, схватившись за стальные кованые прутья забора, чтобы не упасть. – Что за ужасное небо?

Ей пришлось сделать усилие, чтобы сдержать тошноту – как будто на лодке укачало.

– Не знаю, – мрачно ответил ей муж, – не смотри вверх.

Куратор с Андреем переглянулись, Андрей кивнул, как будто подтвердил что-то. Ольге снова показалось, что они ведут себя странно.

По случаю выходного гараж оказался закрыт. Возвращаться в дежурку за ключами не стали, Сергей (возможно, впрочем, Василий) сбегал с фонарём до пожарного щита и ломиком легко скovyрнул символический замок на распашных воротах. В большом бетонном боксе стояло с десятков автомобилей – в основном, бортовые грузовики ГАЗ-51, но были и полноприводные ГАЗ-63 и даже экспериментальный полугусеничный капотный автобус на газоновском шасси, на котором зимой собирали в школу детей из окрестных сёл. (В «Загорске-12» вообще было много всего «экспериментального»). Инициатива с сельскими детьми была Ивана – он под личную ответственность продавил нарушение режима ЗаТО<sup>7</sup>, но полупустая школа городка получила докомплект учеников, а деревенские дети – хорошее образование. Родителям вход в город был закрыт, но сами детишки, кажется, были счастливы на время оторваться от сельского

---

<sup>7</sup> Закрытое территориальное образование.

быта. За это решение и упорство в его отстаивании Ольга Ивана очень уважала. Он вообще очень любил детей, и вот, скоро у них будет свой... Девушка украдкой погладила живот.

– Солярка для генератора в тех бочках у дальней стены, – командовал Иван, – надо будет выгнать этот грузовик, завести на него трап и закатить бочки. Не руками же их кантовать до корпуса? До вечера провозимся.

– Хотя какой уж тут теперь вечер... – добавил он после паузы.

– Выйдите все из гаража, – внезапно сказал Куратор.

– Зачем? – удивился Иван.

– Выйдите, закройте дверь и не заходите, пока я не разрешу.

Все уставились на него в немом изумлении.

– Исполнять! – веско приказал Куратор.

Вася/Сережа послушно развернулись, как по команде «кругом», но Иван даже не пошевелился.

– Вам отдельное приказание нужно? – неприятным голосом осведомился Куратор.

– Мне от вас никаких приказаний не нужно, – спокойно ответил Иван. – Вы мне не командир и не начальник. Не мешайте работать.

– Я Куратор...

– Вы Куратор проекта, а не Института. Я подчиняюсь директору, он мне приказал доставить солярку к дизелям, пока они не встали и не обесточили здание. Этот приказ я и собираюсь исполнить, а вас прошу хотя бы не мешать – помогать, я вижу, вы и не собирались.

Ольга заметила, что Андрей за спиной Куратора сделал шаг в сторону и положил руку на карабин, который так и висел у него на плече всё это время. «Они что, с ума сошли?» – поразилась она. Иван небрежно опустил руку в карман пиджака – там он носил, ленясь цеплять кобуру, табельный пистолет. От Куратора этот жест тоже не укрылся, и он отступил:

– Грузите.

Поманив за собой Андрея, он отошёл за угол, и они о чём-то жарко, но тихо заспорили.

– Нет, только гараж! – расслышала Ольга реплику Андрея, но так и не поняла, к чему она относилась.

– Так, ребята, кто из вас умеет водить машину?

Серёга/Вася посмотрели друг на друга и развели руками...

– Эх, молодежь... Ну ладно, вспомню, как это было...

Ловко упершись единственной ногой в подножку, Иван мощным рывком рук забросил себя в кабину. Через секунду мотор загудел стартером, чихнул и завёлся.

– Ищите трап! – крикнул он в окно. – Будем бочки в кузов закатывать!

Грузовик дёрнулся и заглох. Иван чертыхнувшись, завёл его снова – и снова не смог тронуться.

– Рыжик, – сказал муж смущённо, – не могу этой деревяшкой сцепление плавно отпустить. Помнишь ещё мои уроки? Давай руку, помогу в кабину подняться...

– Ну, давай – первую, газ, сцепление пла-а-вно...

Ольга не с первого раза, но приноровилась к длинному ходу педалей и аккуратно выкатилась из гаража. Лучи фар разрезали темноту жёлтым коридором, сразу стало не так страшно. Иван осторожно, помогая себе руками, спустился из кабины, и вскоре грохнул откинутый борт, застучали доски трапа, раздались бодрые крики: «Держи, подавай, кантуй!». Ольга осталась сидеть на водительском месте, слушая ровный рокот мотора – не с её животом туда-сюда прыгать. В боковое зеркало она увидела, что Куратор с Андреем так и стоят в стороне, недовольно глядя на погрузку. «Зачем они тогда вызвались? – недоумевала девушка. – Как им не стыдно – Иван на одной ноге бочки ворочает, а два здоровых человека стоят рядом и смотрят...».

– Давай потихонечку! – затащил себя руками в кабину Иван. Он бодрился, но Ольга видела, что ему тяжело – всё-таки возраст, да и последствия давних ранений сказываются.

Громов прошёл всю войну во фронтовой разведке. Всё тело в шрамах, награды хоть на стенку вешай, а ногу ниже колена потерял уже после победы, при зачистке банд. «Расслабился – и сразу нарвался, – смеялся муж, – главное, что выше колена всё цело».

До корпуса энергетиков всего метров триста, и Ольга потихоньку докатилась туда на первой передаче – водительского опыта у неё было немного. Только уроки мужа, который утверждал, что это в жизни пригодится (так же, как навыки правильной стрельбы – с места и в движении, приёмы работы с ножом и палкой, тренировки внимательности и другие умения разведчика, которыми Иван был переполнен). «Пока сына не родишь – буду тебе передавать опыт, – говорил он полушутя-полусерьёзно, – в жизни всякое случается...». Ольга отмахивалась от него, считая, что он, как все ветераны, носит в себе слишком много той войны – и не только в виде осколков в рёбрах. Однако не спорила и училась, как могла. Тем более что он преподавал свою жёсткую науку умело, не давая слабину, но и не передавливая, а её хвалил, уверяя, что видит несомненный природный талант.

Аккуратно, в несколько приёмов, девушка подала грузовик задом к погрузочным воротам корпуса и остановилась, не глуша двигатель, чтобы фары не выпили аккумулятор.

– Рыжик... – сказал Иван. – Неловко тебя о таком просить, но...

– Говори, чего уж.

– Не могла бы ты тихонько вернуться к гаражу и посмотреть, чем таким важным заняты там наши столичные гости? Боюсь, на протезе я слишком шумный.

– Ты думаешь, они... что? Шпионы?

– Я пока ничего не думаю, – строго сказал Громов. – Но они ведут себя странно, и мне это не нравится. Я не хотел бы иметь за спиной людей, которых не понимаю. Только очень прошу тебя, Рыжик... Не лезь ни во что. Просто посмотри. Возьми фонарь, и вот ещё...

Иван помялся, но всё-таки достал из кармана и, оглянувшись, протянул Ольге пистолет.

– Просто поддержи в кармане для моего спокойствия, ладно?

Массивный ТТ сразу оттянул карман лёгкой летней курточки, которую девушка накинула поверх платья – на улице оказалось неожиданно прохладно для такого жаркого лета. Она не спеша, но и не особенно прячась, дошла до гаража. Ворота были закрыты, изнутри слабо доносились голоса. Они о чём-то горячо спорили, но слов было не разобрать. Тогда Ольга пододвинула к стене ящик и осторожно влезла на него, чтобы заглянуть в окно. Одного стекла в раме из мелких квадратов не хватало, и стало слышно лучше.

– Что значит: «Не открывается?», – злился Куратор. – Ты мне гарантировал, что, в крайнем случае, из любого гаража... Вот гараж. Вперёд!

– Извините, сам не понимаю... – отвечал Андрей растерянно. – Мы как будто не в Мультиверсуме.

– А где? Где ещё мы можем быть?

– В заднице... – буркнул Андрей. – Я не знаю, так не бывает вообще. Они что-то поломали своей установкой.

– Толку от тебя... Берём машину и едем отсюда. Может, это локально. Отъедем от Загорска подальше, и всё заработает.

Ольга едва успела слезть с ящика, когда створки ворот раскрылись.

– Ну и куда вы собрались? – спросила она закрепляющего ворота Куратора.

– Не ваше дело, – зло ответил он.

– По-моему, вы собираетесь похитить имущество Института.

В гараже взвыл стартер и сразу затарахтел мотор.

– Моих полномочий хватит, чтобы реквизировать весь институт, не то, что эту колымагу.

Куратор, не обращая на Ольгу внимания, полез в кабину грузовика, за рулём которого сидел Андрей.

Ольга сделала шаг вперёд и, упрямо сложив руки на груди, встала в воротах.

– Что вы делаете? – закричал Куратор из окна кабины, перекрикивая шум двигателя. – Уйдите с дороги, я приказываю!

– Пусть директор решает, какие у вас полномочия, а я вас не выпущу! Может, вы вообще шпион. Или диверсант. Может, это вы всё устроили?

– Уйдите!

– Не уйду!

Куратор жестом приказал Андрею ехать. Грузовик медленно, давая Ольге возможность отойти, покатился вперед. Она, упрямо наклонив голову, стояла в свете фар, пока в неё не уперся передний бампер. Машина встала. В кабине произошла короткая перепалка, за шумом молотящего прямо перед лицом мотора девушка услышала только эмоциональный выкрик: «Вот я ещё баб беременных не давил!».

– Что здесь происходит? – Ольга выдохнула с облегчением – муж вернулся.

– Они пытались угнать машину!

– Эта дура...

– Как ты назвал мою жену?

– Иван Анатольевич! – громко сказал, спускаясь из кабины, Куратор. – Разъясните, пожалуйста, вашей супруге, что мои полномочия позволяют использовать имущество института – государственное имущество! – по своему усмотрению.

– В случаях крайней необходимости! – подчеркнул Иван.

– Уж поверьте, она самая крайняя, – Куратор обвёл вокруг себя широким жестом, как бы охватывая всю ненормальность происходящего.

– Пусти их, Оль, – устало сказал Громов, – пусть проваливают... Труссы.

Последнее слово он сказал тихо, но Куратор, кажется, расслышал. Он дёрнулся было, но потом внимательно посмотрел на Ивана, пожал плечами и полез в кабину. Ольга отошла в сторону, к мужу, и они вместе смотрели вслед задним фонарям направившегося в сторону выездного поста грузовика.

– Пойдём за машиной, – вздохнул Иван, – Никак у меня не получается самому вести. Чёртова деревяшка...

– Ничего, – девушка взяла хромающего больше обычного мужа под руку. – Я слышала, скоро всем инвалидам дадут специальные машины с ручным управлением. Будешь снова кататься.

– Я пока на мотоцикле! На нём я и с одной ногой управляюсь, – действительно, в институтском гараже был потасканный, трофейный ещё, «Цундап» с коляской, и Иван его часто брал, если надо было быстро смотаться на периметр.

К машине шли, подсвечивая себе фонарями. Иван хромал всё сильнее, видимо, от чрезмерной нагрузки натёр себе культю протезом. Ольга не спрашивала – знала, что отшутится, но в глубине души будет расстроен, что она заметила. Он до сих пор не смирился с потерей ноги, и особенно с тем, что иногда приходилось просить о помощи. И он, конечно, замечал взгляды, которые бросают на них всякие... Двадцать лет разницы! Целая Ольгина жизнь! «В дочки годится» – шипят за спиной. Иван силён и здоров молодым на зависть, ясностью ума утрёт нос кому угодно, но в глубине души очень боится физической немощи. Высматривает тайком перед зеркалом седые волосы...

– Вы на машине? – обрадовался Лебедев, когда они вернулись в институт. – Отлично, это очень кстати.

В вестибюле стало поменьше народу, но появились новые лица. Многих Ольга знала – это сотрудники, которые живут поблизости от института, молодые семьи из общежития, многие с детьми.

– Из общежитий, видите, сами на свет пришли, – подтвердил её впечатление директор. – Там темно, выбирались группами, кто со свечкой, кто с фонариком. Насосы встали, воды нет,

плиты не работают, дети голодные... В столовой организовано горячее питание, почти все сейчас там. Вас я попрошу на машине проехать по улицам городка, покричать, чтобы шли к институту. Только аккуратно, я вас умоляю, не провоцируйте панику. Люди и так напуганы. Вот вам громкоговоритель.

Лебедев протянул Ивану электрический «матюгальник» на батарейках.

– Хорошо, сделаем, – ответил коротко Иван.

– А где наш Куратор? – запоздало поинтересовался директор.

– Удрал, – жёстко ответил Громов. – Реквизировал «шестьдесят третий» из гаража и рванул со своим этим Андреем на выезд. Вам разве с поста не доложили?

– Ну, баба с возу... – тихо сказал Лебедев. – Странные они какие-то, между нами говоря. Но с самого верха прислали, не нам решать. А вот с постом связи нет, даже по ТА-57. То ли обрыв на линии, то ли... Прокатитесь до него заодно, ну и...

Лебедев замялся.

– Проверить дорогу? – догадался Иван.

– Да, хотя бы до Александровки. Посмотрите, что там творится, есть ли электричество, связь... Только не задерживайтесь, сразу назад, и на обратном пути подбирайте, если кто к дороге выйдет.

– Задача ясна, – Иван кивнул и захромал к машине, Ольга пошла за ним.

– Холодает, или мне кажется? – поёжилась она, выйдя на улицу.

– Да, вроде как попрохладнело, – согласился муж. – Ничего, сейчас отопитель в машине включим.

– Как вот так можно? – спросила девушка, осторожно выруливая в ворота кованой ограды Института. – Бросить порученную тебе работу, людей, уехать... Ладно, будь ты слесарь какой-нибудь, но тебе же партия государственное дело поручила! Нет, не понимаю...

Иван помолчал, украдкой разминая ногу над протезом, потом ответил:

– Я тоже не очень понимаю этих, нынешних. Культ личности, конечно, правильно ругают, много допустили перегибов, но тогда как было – если тебе большое дело поручили, то полномочия у тебя огромные, можешь требовать с людей жёстко, но и ответственность на тебе полная. Не справился, завалил – извини, ответишь по всей строгости.

– А сейчас?

– А сейчас на каждый чих бегут наверх докладывать, бумажками задницы прикрывают... И дело не идет, и спросить, если что, не с кого – все друг на друга кивают. А главное – приезжает вот такой молодой и борзый, и непременно оказывается чей-то родственник. Уж прости моё старческое брюзжание, но те, кто повоевать успел, мне как-то понятнее. Война – она многое по местам в головах расставила.

– Уж сразу «старческое», – засмеялась Ольга. – Не изображай дедушку, ты ещё даже не папа!

Тёмная улица была пуста. Дважды они останавливались, и Иван кричал в мегафон: «Внимание, граждане! Ситуация под контролем! Не паникуйте, берите предметы первой необходимости, документы и продукты, собирайтесь к институту!»

Никто им не отвечал, никто не выходил.

– Ну, что они? – нервничала Ольга.

– Не переживай, – успокаивал муж. – Темнота, ничего не понятно, люди растерялись. Сейчас нас услышат, соберутся, на обратном пути подберём женщин и детей, остальным дорогу покажем...

– Кстати, о дороге... – Ольга выжала педаль тормоза и грузовик, скрипнув колесами, остановился. – А где мы едем?

– Заблудилась? – засмеялся муж. – Мы же выехали по Ленина направо, а значит сейчас... Хм, да, что-то не то.

Он растерянно замолчал.

– Мы проехали школу, – сказала Ольга, – потом первый гастроном, дальше должен быть слева Дом Быта... А это что?

– Это Дом Культуры.

– И как мы у него оказались, он же в другую сторону? И почему он справа?

– Не понимаю, мы же никуда не сворачивали... – Иван открыл дверь кабины. Снаружи потянуло холодом. Он огляделся, осветив фонарём ближайшие дома.

– Ну да, получается, что мы снова едем к Институту, а не от него. Только с другой стороны. Чертовщина какая-то. В лесу бы я сказал, что леший водит, а тут кто? Городовой?

– Городовой – это такой полицейский при царизме, – улыбнулась Ольга. – А ты, оказывается, у меня суеверный!

– В окопах атеистов не было, – мрачно ответил Иван. – Поехали вперёд, до Института пока, а там посмотрим.

Подъехав к институту, Ольга сосредоточилась на том, чтобы не задеть кузовом ворота, и чуть не врезалась в стоящий на подъездной дорожке грузовик.

– Надо же! – удивился Иван. – Вернулись!

В вестибюле, который, благодаря пульту охраны и ГО с системой оповещения, стал импровизированным штабом, осталось всего несколько человек. Сотрудники куда-то разошлись, директор и учёные сидели за принесённым из какого-то кабинета столом. На нём был чайник, стаканы в подстаканниках, бутерброды с колбасой и настольная лампа. Благодаря ей стало даже уютно – остальное помещение утонуло в тени, верхний свет ради экономии выключили, только тускло тлели аварийные лампочки на стенах.

– Нет, никак! – злобно говорил Куратор. – Уж поверьте, мы попробовали все дороги и направления, пытаюсь покинуть город!

– Уж в этом вашем стремлении я несколько не сомневаюсь, – с ехидцей сказал Лебедев.

– Я не обязан перед вами отчитываться! – вспыхнул Куратор.

– А вот и Громы вернулись, – обрадовался директор. – Ну, что скажете? А то товарищ тут такие странные вещи излагает...

– Если речь о том, что выехать из города не получается, то в этом он прав... – признал Иван, тяжело опускаясь на стул и руками пытаясь удобнее расположить протез. – Какая-то ерунда творится, Палыч.

– Да что у вас ещё такое?

– Чертовщина, какая-то, сказать стыдно. Ехали на север по Ленина, никуда не сворачивали, приехали с юга. Не понимаю...

– Мы пробовали и на юг, и на восток, и на юго-запад, – сказал раздражённо Куратор. – Весь центр исколесили. Не верите – сами попробуйте!

– Какой диаметр локалы? – внезапно спросил Матвеев.

– Чего? – удивился Куратор. – Какой диаметр?

– Как далеко вам удалось отъехать от Института?

Куратор с Андреем переглянулись и пожали плечами:

– Трудно понять. Нет никакой границы, темно, и город мы не очень хорошо знаем...

– Мы проехали школу, но не доехали до Дома Быта, – сказала Ольга.

– Километров шесть, угу, угу... В первом приближении сойдёт... – Матвеев достал из одного кармана логарифмическую линейку, из другого – блокнот, и невозмутимо погрузился в какие-то расчёты. Все мрачно уставились на него.

– Ну, что там, Игорь? – нетерпеливо сказал наконец Лебедев.

– А чего вы ждёте? – поднял голову учёный. – Это вам не квадратное уравнение решить. Идите, вон, людей спасайте...

– Да от чего спасать-то?

– От холода, конечно!

Ближайший наружный термометр оказался на окне помещения охраны. Красный спиртовой столбик показывал плюс двенадцать.

– Ну, прохладно, конечно, для лета, но ничего, в принципе, страшного, – неуверенно сказал Андрей.

– Я на Севере служил, так там летом такое за счастье, жара просто считалась! – бодро ответил ему Сережа или Вася, подтянувшийся со своим небратом-близнецом из столовой. От них вкусно пахло борщом, и Ольга внезапно поняла, что умирает от голода.

– Вань, я пойду в столовую, поем, – сказала она мужу.

– Да, Рыжик, сходи, конечно, – рассеянно ответил он. – Слушай, а у тебя зимние вещи где хранятся?

– В шкафу в прихожей, а что?

– Ничего, ничего. Иди в столовую, тебе надо хорошо питаться.

Только войдя в душное тепло столовой, Ольга поняла, что до сих пор сильно мёрзла. В большом помещении былолюдно, как никогда – сначала ей показалось, что тут собрались все, кто добрался в темноте до Института, но потом она заметила, что преобладают женщины и дети. Мужчин было мало, они торопливо ели и уходили. Вдоль дальней стены устроили, отгородив положенными на бок столами и застелив неизвестно откуда взявшимися матрасами, импровизированные ясли для самых маленьких. Оттуда доносились крики и возня, вокруг сидели несколько матерей, пытающихся уследить за этим хаосом. Было шумно, сильно пахло кухней, работающие от баллонов газовые плиты нагрели воздух до настоящей жары.

На раздаче, посмотрев на её выпирающий живот, налили сразу полторы порции наваристого борща: «Кушайте-кушайте! Вам надо! Вот, творожку ещё возьмите со сметанкой. Там самый кальций, для косточек полезно! Берите-берите, не смотрите, что последний, кому ещё, как не вам? Жалко, хлебушка нету, приели весь хлебушек...». Дородная пожилая повариха почти насильно всучила ей плоску творога и стакан сметаны. Впрочем, Ольга действительно чувствовала себя голодной и не сильно сопротивлялась.

Присев с краю за длинный стол, она начала с аппетитом есть. Борщ оказался очень вкусным, девушка вбухала туда чуть ни полстакана сметаны и смолотила большую порцию, почти не заметив. Творог уже ела спокойнее, замешав с остатком сметаны и посыпав сахаром.

– Ольга Пална! – рядом с ней присел завстоловой, небритый усталый мужчина предпенсионного возраста, фамилии которого девушка не вспомнила. – Говорят, из города не выехать?

– Кто говорит? – строго спросила Ольга.

– Ну... – он неопределенно развел руками.

– Вот панику не надо разводить!

– Да я что... Я, собственно, о продуктах... Кончается же всё. Не ждали мы такого наплыва, не запаслись. Хлеба нет, картошка кончается, молочные продукты... Да и холодильники выключили, электричества не хватает. Когда подвоз-то теперь ждать? Кормим, опять же, бесплатно, под запись, директор распорядился. Всё понимаю – люди прибежали в чём были, без денег, не сидеть же им голодом. Но я лицо материально ответственное...

– Не волнуйтесь, – веско сказала Ольга. – Во всём разберутся, всё будет хорошо. Лебедев обязательно всё решит.

– Вашими бы устами, Ольга Пална, вашими бы устами... – вздохнул завстоловой и ушёл, горестно качая лысеющей головой.

Ольга впервые задумалась о сложившейся ситуации в таком ракурсе – действительно, а что, если не удастся быстро наладить сообщение с «материком»? Есть ли в городе – точнее, в его доступной части, – продукты, чтобы прокормить... Сколько людей? Она оглянулась вокруг, но не смогла сходу сосчитать даже тех, кто в столовой. Люди хаотично перемешались, дети

бегали и шумели, кто-то ел, кто-то входил, кто-то выходил... Кроме того, в Институте довольно много персонала – электриков, сантехников, грузчиков, водителей, уборщиц, в конце концов, – которые сейчас на рабочих местах. Ах, да, группа энергетиков... Сколько их там? Человек пятнадцать на смене. То есть, счёт людей идет на сотни. Хорошо ещё, что выходной и лето – иначе могло бы быть намного больше. Скажем, полная школа испуганных детей – а не одна небольшая экскурсия.

Вернувшись из столовой, Ольга обнаружила в вестибюле бурное совещание.

– Ещё на градус упала! – потрясал термометром завхоз Института Вазген Георгиевич, невысокий пузатый армянин с удивительно волосатыми руками. – И до каких пределов это будет продолжаться, я вас, Матвеев, спрашиваю?

Он так горячился, размахивая своими мохнатыми, как у орангутанга, конечностями перед носом невозмутимого учёного, как будто тот был лично виноват во внезапном похолодании.

– До нуля градусов, – сказал Матвеев спокойно.

– Ничего, себе! До нуля! А у нас уголь для котельной, между прочим, не завезён...

– По Кельвину, – уточнил он. Видя непонимание со стороны Вазгена, пояснил, – это минус двести семьдесят три градуса по Цельсию. Вам понадобится термометр побольше, товарищ Голоян.

– Минус... Сколько? Вы издеваетесь, Матвеев?

Учёный пожал плечами и вернулся к расчетам. Все молча смотрели на него.

– Игорь, ты сейчас пошутил, я надеюсь? – осторожно спросил Лебедев.

– Ни в коей мере, Палыч, – ответил тот. – Но вы можете надеяться, что я ошибся.

– График экспоненциальный, Игорь Иванович! – закричал с порога незнакомый Ольге лаборант. – Как вы и предсказывали!

В его руках была лента-миллиметровка с какого-то самописца, и глаза горели научным восторгом.

– Если проэкстраполировать изменение температуры и учесть вертикальный градиент...

– Спасибо, Антон, – оборвал его Матвеев, – Не надо это озвучивать, пожалуйста. Хорошая работа, давайте расчёты сюда, я их учту. Продолжайте измерения.

Лаборант положил бумаги ему на стол и унёсся, топоча ботинками, в темноту коридора.

Воцарилось молчание. Матвеев молча скрипел карандашом по страницам блокнота, все смотрели на него. Вазген, вздохнув, достал из кармана папиросы и направился к двери на улицу.

– Там... Там снег идет! – воскликнул он, через секунду вернувшись. Все, кроме учёного, кинулись к дверям вестибюля.

В лучах подсвечивающих колонны фасада прожекторов мягко падали крупные снежинки. Долетая до земли, они сразу таяли, блестя каплями на листьях подстриженных кустов у дорожки. Ольга, забывшись, подняла глаза к небу – и сразу опустила их, когда её замутило от текучего чёрного ничто над головой. Казалось, снег идёт без всяких облаков, самообразуясь в воздухе.

– Но ведь всего плюс десять? – жалобно спросил Вазген. – Как же так...

– Вертикальный градиент, – пояснил Воронцов. – Вверху атмосфера остывает быстрее, холодный воздух перестаёт удерживать влагу.

Ольга поёжилась – она всё ещё была в летнем платье и тонкой курточке. Заметивший это Иван сказал:

– Пойдем, прогуляемся до дома, возьмём тёплые вещи.

– Возвращайтесь быстрее, – сказал им Лебедев. – Сейчас каждый человек будет на счету.

– И во что мне одеваться? – задумчиво спросила Ольга, стоя перед небольшим шкафом в крошечной прихожей. У неё никогда не было много одежды – не привилось в ней этого женского стремления к нарядам. – На минус двести у меня ничего нет...

– Одевайся на сейчас, и возьми тёплое пальто зимнее, – Иван, морщась, разматывал обмотку на культе. На ней проступили бурые пятна.

– Натёр? – с сочувствием спросила Ольга. – Давай я тебе мазью намажу...

– Не надо, Рыжик, я сам. Достань лучше мой тулуп караульный, ватные штаны, да и валенки, наверное. Минус двести-то, небось, не сразу настанет. А до тех пор много чего может случиться...

– Мы же справимся? – спросила Ольга, упаковывая зимнюю одежду в большой рюкзак мужа.

– Конечно, Рыжик, обязательно, – уверенно сказал Иван. – В институте лучшие учёные Союза, самые оснащённые лаборатории, самые опытные инженеры и отличные производственные цеха. Всё что угодно сделаем!

Обратно шли трудно – Иван не отдавал Ольге рюкзак и с большим напряжением нёс его сам. Фонарь почти разрядился и еле светил, снег усилился. Он ещё таял на тёплой земле, но уже собирался пушистыми венчиками на верхушках кустов. Возле Института царила рабочая суета – отъезжали и подъезжали машины, люди что-то грузили, разгружали, несли и катили.

– А, Иван, – обрадовался усталый Лебедев. – Вовремя.

– Бери этих двух товарищей – он указал на Сергея и Василия, одетых в коротковатые им шинели поверх летних рубашек, – и езжайте по магазинам и торговым точкам. Отмечайте всё, что надо вывозить.

– Вывозить?

– Принято решение сосредоточить все ресурсы, пока они доступны, в здании Института. У нас множество свободных помещений сейчас. Особое внимание – продуктам и тёплой одежде, ну и ещё, что там, не знаю...

– Детские вещи, пеленки и так далее, – вмешалась Ольга. – Видели, сколько с детьми? Предметы гигиены – мыло, шампуни...

– Вот! – перебил её директор. – Слушай жену, Иван, женщины лучше знают. И вот вам радист...

Подошёл совсем юный мальчик с тяжёлым ящиком «Астры-2» за плечами. Ему шинель была, наоборот, сильно велика, здоровенные сапоги на ногах как будто шли отдельно.

– Умеешь? – кивнул ему Иван.

– Да, нас в радиоклубе учили...

– Молодец. Как зовут?

– Олег Синицын!

– Сколько лет?

– Шестна... Ну, скоро будет шестнадцать.

– Обмундирование у тебя не очень... Но потом что-нибудь подберём. Иди к машине.

Пацанёнок захлопал сапожищами к выходу.

– С материком связи так и не было? – спросил Иван директора, но ответил ему внезапно Матвеев.

– Вы что, так и не поняли? – раздражённо бросил он, не поднимая глаз от расчётов. – Нет больше никакого «материка».

## Историограф. «Щенки войны»

Вечером мы собрались на природе – популярный вид досуга в этом не испорченном интернетом обществе. Ольга, я, Борух и Андираос Курценор по кличке «Коллекционер», которого все, кроме меня, звали запросто «Андрюхой». Я его не звал никак. Что не помешало ему прийти и занять моё место возле Ольги. Мы, конечно, расстались без обид и всё такое, но базовые мужские инстинкты никто не отменял – на каком-то уровне (чуть ниже пояса) я воспринимал его как соперника. Поэтому мне всё время хотелось ему нахамить, но я сдерживал этот порыв как неконструктивный. Если это будет продолжаться и дальше, много мы такой компанией не наработаем.

– Мы отличная команда! – мысли она, что ли, читает? – Идеальный состав для экспедиции, сбалансированный, с проводником и оператором.

– Двумя операторами! – вроде бы невинно уточнил Андрей, и я опять еле сдержался.

Хотелось сказать «полуторами» – но я не был уверен в существовании такого слова. Ну и прозвучало бы уже совсем по-детски. А я всё же почти школьный учитель. Это, знаете ли, взрослит человека.

– Ты уверена, – я специально обращался лично к Ольге, как будто никакого Андрея тут не было. – Уверена, что тебе нужен именно я? Возьми, вон, Дмитрия – у него и опыта больше, и боец он серьёзный...

– Я знаю, что боец ты никакой, – ну спасибо, бывшая дорогая, могла бы и помягче как-то сформулировать, – но мы и не воевать собираемся. Мне нужен не только и не столько оператор, сколько, не знаю даже как сказать... Человек, способный сделать выводы из того, что мы там увидим.

– Кто-то умный? – не удержался и съязвил я, но Андрей даже не моргнул своими белёсыми ресницами на невозмутимой блондинистой роже.

– Наша задача пока – осторожно посмотреть. Наблюдать, делать выводы. Никаких боестолкновений, никаких диверсий. Если нас заметят – тут же уходим. И вот тут нам даёт преимущество проводник!

Андрей церемонно раскланялся.

«Клоун какой-то, – раздражённо подумал я. – И что она в нём нашла?».

Хотя я, разумеется, знал, что. Он проводник. Говорят, чуть ли не лучший в Мультиверсуме. А главное – он готов быть её личным проводником. А я не готов быть её личным оператором. Такая вот фигня.

– Они знают, что мы работаем с реперами, и не ожидают, что мы сможем уйти через кросс-локусы.

– Так что, ты с нами?

– А куда ж я, блин, денусь... – ответил я так, как от меня ожидали. Попробовал бы я отказаться! Если Ольга что-то хочет, она это получает.

Но я согласился не ради её больших и красивых... Ну, например, глаз. Просто эту чёртову войнушку надо заканчивать. Детей жалко.

– Ну, коммунары, готовы вопросы? – в отличие от нормальных лекторов, я не заканчивал лекцию ответами на вопросы, а начинал.

Так я давал детям время на осмысление того, что я рассказал в прошлый раз. Повод лишний раз подумать во время дежурств или трудовой практики. Это вряд ли сработало бы в моём бывшем срезе – там слишком много медийных раздражителей и отвлекающего информационного шума, да и мотивация к познанию целенаправленно блокируется специальными педагогическими приёмами. Впрочем, там бы я и не смог преподавать. Я не переоцениваю свои педагогические способности.

В Коммуне же моя лекторская деятельность шла по разряду «общественной нагрузки» – самое обычное здесь явление. Почти все кроме основной занятости делали ещё что-то общепольное – от разведения цветов на газонах и постройки детских площадок до спортивных секций и технических кружков. Ну и лекции, да – те, кому было что рассказать детям, и кто умел это делать более-менее складно, выступали этакими «учителями-общественниками». На этом фоне я стал публичным лектором по расплывчатой теме «материнский срез – как там чего вообще», постоянно сползая на более абстрактные аспекты из области истории, социологии, антропологии и философии. А всё благодаря детским вопросам, дисциплинировано записанным в тетрадочках карандашиками. Вопросам иногда наивным, но от этого не менее глубоким.

– Вы вчера говорили, что люди всегда воевали, и это для них нормально. А почему люди не могут не воевать?

– Доброе утро, Настя, – поприветствовал я белобрысое чудо, неизменно сидящее прямо перед лекторской кафедрой. – Это довольно сложный вопрос. Я хотел рассказать сегодня немного о другом, но, если всем интересно, можем обсудить и его.

– Интересно, интересно, расскажите про войну! – раздались голоса в аудитории.

Не знаю, как здесь обстоит дело у штатных учителей – давно собирался выяснить, да как-то недосуг, – но у меня как у «общественника» никакого «учебного плана» нет. То есть, могу рассказывать именно то, что детям интересно в данный момент. А поскольку сейчас у всех в голове война – то неизбежно будем возвращаться к ней снова и снова. Чем дальше я на это смотрю, тем отчетливее вижу, как быстро она меняет стерильный «заповедник хороших детей», которым до недавнего времени была – или, по крайней мере, казалась, – Коммуна. И, чёрт меня побери, как же мне это не нравится! Здешнее небольшое общество не выработало иммунитета к идеологическим вызовам внешней агрессии, и война его необратимо изменит. Нет, определённно, её надо как можно быстрее заканчивать!

– Что такое война? – начал я *ab ovo* – Давайте запишем определение: «Война является коалиционной внутривидовой агрессией, которая связана с организованными конфликтами между двумя группами одного и того же вида».

Дети послушно заскрипели карандашами в тетрадках.

– Ключевые слова «коалиционная» – то есть, в условиях объединения групп для общей цели, и «внутривидовая» – то есть, в пределах одного биологического вида. И то, и другое по отдельности встречается в природе довольно часто – и совместные действия (например – стайная охота), и внутривидовая агрессия (конкуренция из-за самок, к примеру). Но сочетание этих двух явлений характерно только для двух групп животных. И одна из них – приматы, к которым относимся и мы.

– А вторая? – спросил кто-то из детей.

– Муравьи, – ответил я. – В этом мы на них похожи больше, чем на любых других живых существ.

– Ничего себе... – вздохнул спросивший, а я невольно задумался о том, есть ли тут муравьи. Хотя они везде есть, наверное. Живучие твари. Совсем как люди.

– Но муравьи – отдельная история, а что касается приматов... Учёные считают, что разум развился в человеке в первую очередь как средство социального взаимодействия. Инструмент манипуляции соплеменниками, позволяющий передавать свои гены дальше не только самым сильным, но и самым умным. Альфа-самцом, а потом и вождём племени, становился не тупой амбал, а тот, кто смог объединить вокруг себя других и уговорить их на совместное отстаивание интересов. То есть, создавший условия для коалиционной внутривидовой агрессии.

Так что ответ на вопрос «почему люди воюют» простой: «потому что они люди». Война является нашим базовым видовым признаком. Неизбежным порождением нашего разума. Обратной стороной нашей способности объединяться, дружить и работать вместе.

– Неужели нельзя просто договориться? – спросила расстроенная Настя.

– Можно, – утешил её я. – История знает множество примеров, когда племена и даже целые народы забывали про свои распри и объединялись.

– И что для этого нужно?

– Общий враг!

На выходе из аудитории меня поймал Борух.

– Интересно рассказываешь, даже я заслушался, – сказал он таким неопределённым тоном, что я напрягся.

– Что-то не так?

– Нужно ли впаривать детишкам этот взрослый цинизм? Оно, конечно, всё чистая правда: и жизнь не пикник, и мир не полянка с цветочками, и люди те ещё поцы, – но не в этом же возрасте?

– Знаешь, Борь, давать ребёнку ложные сведения об устройстве мира – это, как по мне, просто предательство. Это как карта минных полей с ошибками. Мир достаточно опасен сам по себе, не надо усугублять. Обычные песни: «на нас хороших-идеальных напали злые-мерзкие они!» – им и без меня споют. Да уже спели, чего там.

– И правильно. Так и надо. Врага расчеловечивают, чтобы проще убивать. Рефлексии ни к чему, дело военное.

– С одной стороны ты прав, – признал я. – А с другой – вот эта накачка потом так аукнется... Не хочу, чтобы они стали поколением «детей войны». Это очень многочисленное поколение, и оно навсегда изменит Коммуну. Мне кажется, этого ещё никто толком не понял.

– Ну да, – хмыкнул Борух, – один ты знаешь, как правильно Родину любить. Вот смотрю я на тебя и каждый раз удивляюсь – такой циник и мизантроп по убеждениям, и такой наивный романтик в душе.

– Чего это «наивный»? – обиделся я. – Я реалист!

– Хреналист, – обидно засмеялся майор. – Вот ты про «многочисленное поколение» сказал, а почему оно такое многочисленное? Не задумывался?

– Ну, – замаялся я, – демографическая политика Совета...

– Ой-ой, я вас умоляю! Ну, ты же инженер в анамнезе, математику знать должен. Посмотри, сколько здесь детей лет двенадцати-четырнадцати, – и сколько женщин возраста тридцать плюс. И посчитай – хоть на пальцах, а хоть на компьютерах своих – сколько каждая из них должна была родить в те три года? Ну?

– Я так навскидку не могу...

– Вот я и говорю – наивный ты, писатель, как чукча в чуме. Ни хрена вокруг себя не видишь, ещё меньше понимаешь, но, конечно, окромя тебя мир спасти никому...

Вот сейчас обидно было, да. И ведь главное – цеплялся мой глаз за эти цифры, но как-то в голову не вошло. Нет, никакая «демографическая политика» не могла дать такого пика. Кстати, не слишком ли разнообразен фенотип у здешних детишек? Исходно в Коммуне были почти сплошь русские да евреи (русские евреи – всегда больше русские, чем евреи). И редкие исключения, вроде Вазгена и Мигеля, которого Борух из вредности и принципа так и звал «Хулио». Но при этом среди детей только что совсем чёрных негров нет. Вот, скажем, моя белобрысая любимица Настенька – вообще не пойми какой типаж. Белая, как мрамор, незагорающая тонкая кожа, прямой тонкий нос, высокий чистый лоб, волосы цвета полярного снега, такие светлые, что кажутся седыми, и глаза цвета морского льда. Вырастет – будет Снежная Королева, разбивающая глазами-льдинками мужские сердца. Очень, очень необычная девочка. А ведь ни одного взрослого коммунара, который годится ей в родители, я не видел! Генетика, конечно, штука сложная, она могла уродиться в какую-нибудь прабабку – носительницу последствий призвания блондинов на Русь, но среди детей было немало мулатов, азиатов и даже странных ребят типажа, пожалуй, полинезийского. Эти-то откуда взялись?

Нет, прав Борух, ни черта я тут не понимаю... Лох я развесистый.

– Что, призадумался? – хлопнул меня по плечу майор.

– Угу, – мрачно откликнулся я.

– Идеалист ты, Тёма, – сказал он сочувственно. – Хоть и циник местами. Придумал себе идеальную Коммуну и живёшь в ней, начисто игнорируя реальность. Жениться бы тебе... И не на су... красотке этой рыжей, которая два слова правды подряд не скажет, а на нормальной бабе, которая тебя будет любить, кормить, мозги вправлять и детей рожать. Пойдут свои дети – перестанешь про чужих думать.

– А твой-то как? – поспешил я перевести разговор. Мне было стыдно.

– Да растёт, что ему делается. Шустрый такой пацанчик... Кстати, слышал – Олег наш пропал.

– Как это?

– Повёл «осликом» обменный караван в Альтерион. Связки все найденные, сто раз проверенные... Но караван и туда не пришел, и назад не вернулся.

– Что думаешь?

– А что тут можно думать? – мрачно буркнул майор. – Дело известное...

С тех пор, как противостояние с Комспасом, который тут называют «агрессорами», перешло в открытую фазу, наши операторы стали объектом охоты. По себе знаю, шрамы остались. Но и свернуть все обменные операции Коммуна не может, потому что репутация, да и критичный импорт есть. Так что караваны ходят. С «осликами» – слабыми операторами, способными только на самые простые маршруты. Цинично – но они менее ценны, чем даже я.

– Ладно, – прервал мои размышления Борух, – пойдём к Палычу, он нам предстартовую накачку делать будет.

– С вазелином?

– Вазелин, товарищ, надо заслужить

Председатель Совета Первых был пессимистичен:

– Ну что вы там увидите, – говорил он, – и что поймёте? Нет, я не против разведки, но без всей этой лирики «познай врага своего». Если враг не сдаётся – его уничтожают!

– Я была бы не против, если бы они как-то сами собой победились, – гнула свою линию Ольга, – но давай будем объективны – у нас нет ресурсов для уничтожения кого бы то ни было. Ни человеческих, ни материальных.

– С городом мы получили достаточно оружия и боеприпасов!

– Кстати, не помните, кто вот так же точно топал ногами и запрещал мне проводить ту операцию? – невинным тоном осведомила Ольга. – Кто был настолько категорически против, что мне пришлось проводить её своими средствами и за ва... чьей-то спиной?

Председатель смотрел на неё, как солдат на вошь.

– Кроме того, этим оружием надо кого-то вооружать, – сказала Ольга. – И не только детишек.

– Эти детишки, между прочим... – он глянул на меня и осёкся. Я сделал вид, что ничего не слышал.

– С тобой бесполезно спорить, – устало махнул рукой Председатель. – Всё равно по-своему сделаешь. Не человек, а чирей на жопе. Всегда такая была...

– Не всегда, Палыч. Не всегда, – неожиданно тихо сказала Ольга. – Но что б с нами было, если б я не стала такая?

## Коммунары. Холодная ночь

Снега навалило уже по ступицы, но загруженный кузов прижал к дороге ведущие колеса, и машина пошла увереннее. Возле Института орудовал военный путепрокладчик БАТ-М, могучим отвалом отгребаящий снег от грузового пандуса, по которому выгружали в подвал какие-то ящики, тюки и коробки. Работа кипела, и Ольге пришлось ждать очереди на разгрузку. Иван сразу выскочил и ухромал куда-то в сторону начальства, а она сидела в кабине и наблюдала за жутковато выглядевшим сквозь темноту и снегопад бульдозером. Он ворочался и взрывывал в светящейся ауре подсвеченного снега, выплёвывая в чёрное небо клубы солярного дыма, как какое-то хтоническое, выползшее из-под земли чудовище.

– Пошли! – Иван открыл дверь кабины так внезапно, что девушка подскочила от неожиданности.

– Но разгрузка...

– Сейчас подойдёт водитель, дальше они сами. Ты слишком ценный кадр, чтобы баранку крутить, – засмеялся Громов.

В Институте царила суматошная суeta торопливой эвакуации – по полутёмным коридорам и еле освещённым аварийными лампами лестницам люди несли, катили и тащили волоком самые разнообразные предметы – от стульев и тюков свёрнутых штор, до блоков электронного оборудования. Это напоминало разворошенный муравейник.

– Куда они? – спросила удивлённая Ольга.

– Вниз, в бомбоубежище.

– Но зачем? Нас будут бомбить?

– Погоди, сейчас на собрании скажут.

– Итак, закрытое партсобрание организации Института предлагаю считать открытым, – сказал вставший с председательского места Лебедев. Он выглядел очень усталым.

– Но я же не член партии... – прошептала Ольга мужу.

– Тихо! – одернул её он.

– Первым вопросом предлагаю рассмотреть принятие в члены КПСС нашего сотрудника Ольгу Громову, с установлением кандидатского стажа в год. Думаю, рекомендации Ивана Громова, члена партии с тысяча девятьсот сорок третьего, будет достаточно.

– Рекомендация мужа? – бросил скептическую реплику Куратор.

Лебедев посмотрел на него тяжёлым взглядом и сказал:

– Я могу сам дать ей рекомендацию, если у вас есть возражения по кандидатуре.

– Нет-нет, продолжайте, пожалуйста, – он сложил руки на груди и откинулся на спинку стула.

– Кто за? Кто против? Кто воздержался? – Куратор поднял руку на последний вопрос.

«Вот гад!» – подумала Ольга. Она волновалась и немного гордилась, что в такой момент партийная ячейка нашла время на неё.

– Принято единогласно при одном воздержавшемся! – провозгласил директор. – Поздравляю вас, Ольга Павловна, примите это с честью и достоинством. Кандидатский билет выпишем вам позже.

– Спасибо, – растроганно сказала Ольга. – Я постараюсь оправдать доверие!

– Теперь, когда на собрании только члены и кандидаты, предлагаю перейти к основной повестке. Слово предоставляется Игорю Ивановичу Матвееву, научному руководителю первой лаборатории.

Профессор не стал вставать, он зашуршал бумажками, раскладывая перед собой какие-то расчёты, и начал говорить так тихо, что директор попросил:

– Погромче, пожалуйста!

– Хорошо, – учёный прокашлялся и повысил голос. – Я попробую коротко обрисовать наше положение с научной точки зрения. В результате, хм... не вполне корректного срабатывания установки, мы получили неожиданный, но крайне любопытный эффект...

– Любопытный? – не выдержал администратор Голоян. – Любопытный?

– С научной, разумеется, точки зрения, – уточнил Матвеев. – Мы создали собственную небольшую Вселенную. С чем я вас и поздравляю. Если бы я не был атеистом, я бы сказал, что мы повторили Акт Творения. В масштабе один к бесконечности, но всё равно результат неплохой. Для начала.

Матвеев замолчал, и все уставились на него.

– Э... Я, конечно, горжусь таким успехом вашей лаборатории, – осторожно сказала Елизавета Львовна Мегрец, невысокая полноватая женщина с круглым добрым лицом идеального педиатра. – Но, боюсь, как биохимик, я не могу в полной мере оценить его значимость для советской науки. Поэтому можно изложить это в более... практическом плане?

– Да, Игорь, – поддержал её директор. – Повтори, пожалуйста, то, что ты мне рассказывал внизу.

Матвеев закатил глаза, вздохнул и сказал:

– В результате непрогнозируемого изменения фазы поля, Установка, вместо того, чтобы... – он запнулся. – Палыч, допуск по нашей теме у всех есть?

– Да говори ты уже! – махнул рукой директор.

– Да, вместо того, чтобы сделать прокол в совмещённые пространства Мультиверсума, мы получили... э... обратный эффект. Произошла капсуляция фрагмента пространства-времени в изолированный микроверсум.

– Я не совсем понял... – сказал завлабораторией электроники Петин. – А как нам теперь попасть на материк?

– Никак, его не существует, – отмахнулся Матвеев и снова замолк.

– Не существует относительно нас, – пояснил Воронцов. – В привычной нам метрике. Вся наша сегодняшняя Вселенная, оставаясь бесконечной, имеет радиус примерно отсюда и до школы, и представляет собой неориентируемое проективное пространство, вложенное в условно трёхмерную геометрию.

– А что снаружи? – спросила растерянно Ольга.

– Ничего, – пожал плечами Воронцов, – точнее, нет никакого «снаружи». Не пытайтесь это представить, это за пределами возможностей мысленной визуализации.

– Давайте попробую объяснить я, – сказал Лебедев. – Я далёк от теоретической физики, поэтому ограничусь бытовым аспектом. Мы заперты в доступной нам части города и не можем её покинуть. Так, Игорь?

– Примерно... – согласился Матвеев.

– А значит, мы располагаем только теми ресурсами, которые имеем на сегодняшний день. Это касается топлива, продовольствия и других средств жизнеобеспечения. И самое неприятное – это холод.

– Да, почему температура падает? И почему темно?

– Мы не позаботились прихватить с собой Солнце, – пояснил Воронцов. – У нашего мира нет источника тепла, и тепловая энергия быстро рассеивается.

– Куда? – удивился Петин. – Ведь вы говорите, что мы в замкнутом пространстве...

– Это не я говорю, а товарищ Лебедев упрощает, – скривился Воронцов. – Оно замкнутое в бытовом смысле – из него нельзя выйти ногами, но вы не найдёте и стенки, которая бы его ограничивала. В общем, не вдаваясь в теорию, энтропия будет расти, пока наша микровселенная не придёт в состояние термодинамического равновесия.

– Равновесия?

– Полностью замёрзнет, – пояснил учёный. – Возможно, вас слегка утешит, что наша предыдущая Вселенная тоже должна была прийти к тепловой смерти. Просто здесь она произойдёт быстрее.

– Насколько быстро? – спросил практичный Громов.

– Мы не знаем точно, – неохотно ответил Матвеев. – Наличие гравитации нарушает принцип энтропийной изотермии. Но экстраполяция измерений температурной динамики не радует. Ориентировочно через двадцать-двадцать пять дней воздух на поверхности перейдёт из газообразного состояния в жидкое. Через тридцать...

– Спасибо, – перебил его Иван. – Дальнейшие несомненно очень познавательные процессы, как я понимаю, пройдут уже без нашего участия, так что давайте не будем на них отвлекаться. Времени у нас, как я понял, немного...

– Мы можем продержаться дольше в подземельях Института, – сказал Лебедев. – Земля остывает медленнее воздуха, а служебные тоннели и заглубленные лаборатории находятся достаточно глубоко. Но нам нужен источник тепла, поэтому энергетики уже приступили к перезарядке реактора. В данный момент они демонтируют крышку активной зоны.

– Но... какие у нас перспективы? – растерянно спросил Голоян. – Разве мы можем реактором обогреть всё?

– Разумеется, нет, – ответил ему Воронцов. – Но, при наличии энергии, мы сможем запустить Установку и снова попробовать сделать прокол. В прошлый раз у нас практически получилось...

– Если это называется «практически получилось», – покачал головой Куратор, – я боюсь представить себе ваш успех...

– Хватит, – перебил директор. – У нас мало времени. Мы должны аккумулировать все доступные нам ресурсы в подвалах Института. Этим уже занимается сформированная группа, ответственный – Иван Громов. Второй вопрос – обеспечение жизненного пространства в подземных помещениях. Теплоизоляция, коммуникации, свет, вода, тепло и так далее. Ответственный – Вазген Голоян. Третий – кадровая работа. Мы должны немедленно произвести перепись всех человеческих ресурсов, учесть их профессиональные навыки, знания и умения для наилучшего использования. Ответственная – Ольга Громова. Размещением людей и их бытовыми вопросами займётся...

Лебедев уверенно распределял полномочия и обязанности. Было видно, что он хорошо всё продумал и подготовился. Ольга немного успокоилась – после не очень понятных, но зловещих заявлений учёных распоряжения администрации давали какую-то определённую ясность.

Темнота за обледенелыми окнами сбивала с толку. Приходилось периодически поглядывать на маленькие стрелки подаренных мужем часов «Заря», поднося их к тусклой настольной лампе. В кабинете первого отдела было очень холодно, приходилось сидеть «капустой», напялив на себя в несколько слоёв всю теплую одежду. Только здесь были папки с личными делами сотрудников. Перемещать их было запрещено, да и пока некуда – в обширной подземной части института было выше нуля, но там царил суматошный суета стремительной реорганизации рабочего пространства в жилое. Туда стаскивали мебель из общежития, всякий бытовой хлам из магазинов, продукты со склада и всё остальное, включая игрушки для детей, – с ними посменно дежурили матери, устроив импровизированный детский сад в одном из блоков бомбоубежища. Энергию экономили, как могли – освещали и отапливали только детскую, развёрнутый рядом лазарет и реакторный зал, где сияли прожектора, гудел тельфер, и рычала электросварка – энергетики восстанавливали работоспособность реактора.

Люди приходили к Ольге неохотно, не хотели отрываться от работы, но без выдаваемых ею талонов с печатью их не ставили на довольствие. Только предъявив справку из первого отдела, можно было получить порцию еды в столовой, тёплую одежду (хватало не на всех) и временное спальное место в бомбоубежище. Ольга аккуратным школьным почерком вносила

людей в толстую амбарную книгу – имя, фамилия, отчество, профессия, дополнительные умения, семейное положение... С последним было особенно плохо – многие семьи оказались разорваны катастрофой. Почти у всех кто-то остался с той стороны – жёны, мужья, дети, родственники... Ольга сначала пыталась их успокаивать, но получалось плохо, да и силы её были не беспредельны. Люди шли и шли, она выматывалась, от холода часто хотелось в туалет, а с этим уже были проблемы – туалет на этаже замёрз, в нём пришлось поставить обычное ведро, с соответствующим удобством. Она грелась чаем, кипятя чайник на походном примусе, и от этого в туалет приходилось бегать чаще. Поэтому вскоре она стала ограничиваться сухим казённым выражением сочувствия и заверением, что для преодоления последствий катастрофы делается всё возможное.

Иногда забегал проведать муж. Пил чай, рассказывал, что вывоз продуктов со склада закончен, что их много, но меньше, чем хотелось бы, и единственная радость в том, что не нужны холодильники – всё распрекрасно замерзает и так. С предметами быта – одеждой, мебелью, бытовой химией, постельным бельем и так далее – дела обстоят похуже, потому что единого склада промтоваров в досягаемости не нашлось. Приходится буквально очищать квартиры, а это долго, сложно и морально тяжело.

– Очень неловко входить в чужие дома, – жаловался Иван, – копать в чужих вещах, забирать одежду, продукты, даже обмылки из ванной. Чувствуем себя мародерами какими-то...

К вечеру (определяемому теперь исключительно по часам) Ольга вымоталась настолько, что работу пришлось прервать. По длинным еле освещённым лестницам она спустилась в бомбоубежище. Ниже первого этажа пролегла граница тепла и холода – там обрывался намёрзший на стенах иней. Внизу ей положили миску какой-то каши с подливой, которую она съела, от усталости не разобрав вкуса, и указали свободные нары, покрытые слежавшимся влажным матрасом поверх крашенных досок. Девушка скинула войлочные боты и улеглась, укрывшись пальто. Мешал живот, в котором кое-кому приспичило потолкаться, и ломило от длительного сидения на холодном жёстком стуле спину, но усталость победила – она заснула, не обращая внимания на ходящих вокруг людей и плачущих детей.

Разбудил её муж.

– Рыжик, уже утро! Ну, насколько это можно назвать утром... – он был чёрный от усталости, сильно хромал, и на брюках проступили подозрительные пятна на левом колене. – Еле нашёл тебя, так ты под этим пальто спряталась!

– Ты что, так и не спал? – ужаснулась она.

– Некогда, столько было дел...

– Ложись немедленно, я тебе тут место нагрела. Ложись-ложись, даже слушать ничего не хочу! Если ты себя угробишь, никому легче не станет. А мне всё равно пора продолжать перепись.

– Ладно, – сказал Иван, садясь на нары и закатывая штанину, чтобы отстегнуть протез. – Но про кабинет свой забудь, спроси Вазгена, пусть тебе внизу где-нибудь уголок выделит. Там похолодало.

– Сильно?

– Очень сильно, – вздохнул он. – Минус пятьдесят. Снег, правда, прекратился, и температура падает уже не так быстро. Пришлось свернуть все работы наверху. Навалило столько, что ехать мог только полугусеничный, но у него на таком морозе трансмиссия не прокручивается. Вся техника встала, теперь только пешком...

Он зевнул, завалился на бок, укрылся тулупом и через несколько мгновений уже спал. А Ольга, с трудом собирая себя после не принесшего отдыха сна, побрела, зевая, в импровизированную столовую. В убежище было прохладно, но насколько именно – спросонья было не понять. Столовую нашла не сразу – в том помещении, где она ужинала, спешно расставляли

кровати. Оказалось, перенесли в одну из подземных лабораторий, где было больше места, а главное – работала мощная вытяжка. Оборудование ещё не демонтировали, но на лабораторных столах уже резали, крошили, разделявали и замешивали. Кипели огромные кастрюли-выварки, из которых усталые повара разливали черпаками по мискам какую-то жидкую еду. Здесь было по-настоящему тепло, даже жарко, и Ольга сняла пальто. Увидев её живот, какой-то подросток сразу вскочил из-за стола, уступая место.

– Не надо... – ей стало неловко.

– Садитесь-садитесь, я уже почти доел. Не вставайте, я вам сейчас принесу порцию! Всем одно и то же дают...

Он, на ходу дохлёбывая из миски, дошёл до поваров, показал им на Ольгу и принёс полную посудину не то густого супа, не то жидкой каши.

– Спасибо!

– На здоровье! – ответил мальчишка и убежал куда-то.

Пока Ольга ела, люди приходили и уходили. Её узнавали и здоровались – вчера она успела пропустить через свой бумажный грессбух немалую часть оставшихся. Хотя, к сожалению, мало кого запомнила, от усталости все сливались в одно лицо. Больше всего было сотрудников Института – техников, лаборантов, учёных, инженеров по оборудованию, механиков из институтских мастерских... На момент инцидента (так деликатно называло случившееся руководство Института), они были либо на работе, либо во входящих в институтский комплекс семейных общежитиях. Вторая категория – члены их семей, как правило, жёны и дети. Их было меньше, многие летом уехали за город или в санатории. Неприкаянно бродила осиротевшая детская экскурсия. Куда делись их родители – никто, включая Матвеева, ответить не мог. Исчезли бесследно, оставив на месте всё имущество, которое, по мере возможности, перетаскали вчера в обширные институтские подвалы хозкоманды Ивана. Таскали бы и дальше, но мороз обездвижил машины, а на руках много не унесёшь. Кадровый учёт ещё не был закончен, но Ольга уже могла прикинуть примерную численность – около двух тысяч человек. Под институтом располагались большие подземные помещения: лаборатории, технические туннели, склады оборудования, аппаратные и так далее – Ольга и половины не знала. В них можно было разместить и больше народу – но как обогреть такие площади? Поэтому людей старались размещать компактно, взяв за центр бомбоубежище. Убежище в Институте было капитальное, рассчитанное аж на три тысячи человек – правда, по нормам ГО, то есть «пять человек на одни нары». Пересидеть ядерный удар можно, но долго так не проживёшь. Сооружение оборудовали недавно, поэтому оно было неплохо оснащено – морозильными камерами для продуктов (не самая нужная вещь в нынешних условиях), складами со средствами индивидуальной защиты и даже экспериментальной гидропонной установкой, где теоретически можно выращивать еду – если найдётся, из чего. Но самое главное – при нём имелась артезианская скважина, так что хотя бы с водой проблемы не было.

Поев, Ольга достала из портфеля свою книгу учёта кадров, и решила, что будет работать прямо здесь – тепло, светло, да и мимо никто не пройдёт.

– Товарищи! Кто ещё у меня не записывался? Подходите по одному!

На дневном совещании все были усталыми и невеселыми. Ивана разрешили не будить, потому что работы хозгрупп пришлось прекратить.

– Две последних группы сегодня не вернулись, – встревоженно сказал Лебедев. – Готовим поисковую команду, а пока пусть отдыхает.

С реактором тоже всё оказалось сложнее, чем ожидали. Энергетик пришёл на совещание прямо в костюме химзащиты. «Работает наоборот – не даёт мне загрязнять помещение...» – грустно пошутил он. Николай рассказал, что неудачная форма каких-то «пазов шпонок крепления» вызвала напряжения металла и спровоцировала появление трещин с перспективой раз-

рушения футеровок. Теперь придётся полностью извлекать экранные сборки, ремонтировать футеровки, заваривать пазы и переваривать крепления.

– Люди понахватали бэров, с ног валятся, – жаловался он. – У нас есть оснастка, позволяющая работать в облучённом корпусе, но в ней неудобно и очень медленно, многие пренебрегают защитой в пользу скорости. Меняются, конечно, но даже в комнате отдыха уже фон такой, что дозиметры шкалит...

– Солярка для дизелей на исходе, – сказал директор. – Если в ближайшее время не запустим реактор – просто вымерзнем здесь.

– Хиба я не розумию? – снова перешёл на украинский Николай. – Всё зробимо. Но поспешати теж неможно – пока не опрессуем каждый трубопровод, загружать ТВЭЛы не буду. Бидистиллята на одну заливку, любая утечка – и всё. Его ещё греть приходится, щоб не змерз...

Ольга понимала, что реакторная группа сейчас в прямом смысле жизни кладёт – радиологической клиники в институте, разумеется, не было. Но другого выхода нет – без энергии погибнут все.

– Пайки для не занятых на тяжёлых работах надо сокращать, – докладывал Вазген. – Тогда протянем пару месяцев, хоть и без разносолов. Биологи сейчас расконсервируют установку гидропоники, но ей тоже нужен свет и тепло, так что всё упирается в реактор...

– Сокращайте, – распорядился Лебедев, – Сейчас большинству делать особо нечего – инженерно-технические группы утепляют входы и дорабатывают внутренние коммуникации, остальные просто так слоняются.

– Это не дело, – строго сказал Куратор. – От безделья у людей появляются всякие ненужные идеи.

Ольга нервно вздрогнула – она и забыла про него, благо, столичный гость сидел в тёмном углу и в совещании до сих пор участия не принимал. «А он-то чем занят? – подумалось ей. – Какие такие обязанности исполняет?»

– Да, – согласился с ним директор, – Громова, возьмите на себя культурный досуг кадров. Лекции, там, какие-нибудь организуйте, или, я не знаю, коллективные чтения...

– Я ей помогу, – вызвался Куратор, и Ольгу буквально передёрнуло. Однако отказаться было как-то неправильно – не время сейчас для проявления личных антипатий.

– Да-да, займитесь, – сказал Лебедев с заметным облегчением. Его явно тоже смущал неопределённый статус Куратора, который при огромных, формально, полномочиях в сложившейся ситуации вёл себя странно.

Идею «культурного досуга» подал Ольге Мигель, которого она встретила в коридоре.

– Да что там думать! – воскликнул он радостно. – «Важнейшим из искусств для нас является кино!».

В Институте был свой небольшой, на сотню мест, кинозал, куда привозили новинки, научно-популярные и обучающие фильмы, кинохроники и так далее. Там же располагался и свой институтский довольно обширный киноархив.

– Там как раз новый боевик завезли, «Зелёный фургон»! В субботу должны были показывать! – рассказывал молодой лаборант. – А в убежище есть «красный уголок» с проектором...

– Ничего у вас не выйдет... – сказал пренебрежительно Андрей, который так и таскался везде за Куратором, успешно избегая общих работ. – В «красном уголке» проектор «Украина», на шестнадцать миллиметров, а в зале, небось, стационарная киноустановка, на тридцать пять. Я знаю, я на кинопередвижке работал, пока не...

Тут он осёкся, и Ольга подумала, что он тоже какой-то странный.

– Так у нас и кинопередвижка есть! – сообщил Мигель. – По сёлам в порядке шефской помощи катается... Кажется, там же, при кинобудке, её оборудование лежит.

– А что за аппарат? КН-13? – заинтересовался Андрей.

– Откуда мне знать? Железный такой ящик на треноге. Динамик в чемодане, усилитель, ещё какие-то коробки...

– Смотреть надо, – авторитетно сказал Андрей. – Но шансы хорошие. Если притащить сюда, можно будет кино крутить.

– Так чего мы ждём? Собирайтесь! – скомандовал Куратор.

У выхода к лестнице столкнулись с Иваном – тот вместе с Сергеем-Василием, юным радиостом и ещё парой незнакомых молодых ребят тщательно укутывался, заматывая шарфом промежуток между шапкой и тулупом, так, что торчали только глаза. На поясе висела лампа от фонаря, провод от неё уходил под одежду.

– Вы куда собрались? – удивился он.

– В кинозал, – сказала Ольга, – Будем досуг организовывать.

– Это правильно, это хорошая мысль, – одобрил Иван. – Только подготовились вы плохо. Там минус пятьдесят пять уже в здании и минус семьдесят на улице.

– На улицу мы не будем выходить! – сказал Мигель.

– Всё равно – и одеты вы легко, и фонари у вас... На таком морозе батареи сразу мёрзнут, а в темноте вы куда? Нет, вы как хотите, а жену я так не отпущу.

Иван покачал головой и начал выпутывать из-под тулупа провод.

– Во-первых, оставь это пальто, ты в нём уже при минус двадцати мёрзла, вспомни. Возьми вон там, у дежурных такой же тулуп. Они тебе велики все, ну да ничего, не бегом бегать. Валенки возьми большие, прямо поверх ботинок своих наденешь...

– Ботинки тёплые! – запротестовала Ольга.

– Не настолько. Рыжик, ты просто не представляешь себе, что там творится! Сидела бы ты внизу, а?

– Ага, ты даже на одной ноге, вон, собираешься, а я внизу сиди?

– Мне надо, – вздохнул он. – Хозгруппа не вернулась, идём искать. Маршрут известен, так что мы быстро – туда и обратно. А на снегоступах – что одна у тебя нога, что вовсе ни одной... Всё едино ковыляем, как утки. И вот, возьми...

Он протянул Ольге фонарь и отдельно, на проводе, аккумуляторную батарею к нему.

– Повесь на пояс под тулупом, провод вот так выпусти и свети этой фарой. Я другой возьму. Да, рукавицы не забудь! И шарф! И...

– Да перестань ты, я всё поняла!

В результате выбрались только через полчаса, когда группа Громова уже давно ушла. Дежурные, ругаясь на замерзающую смазку и дубеющие уплотнители, открывали гермодверь двумя ломками. Мороз перехватил дыхание уже в тамбуре – висевший там термометр втянул красный спиртовой столбик ниже минимальной риски «минус тридцать». Вторую дверь открывали сами. В свете фонарей вырвалось наружу облако инея, а глаза щипало от холода. Подниматься по лестнице в длинных до земли тулупах было сложно, особенно Ольге. Приходилось делать передышки на площадках, очищая шарфы на лицах от быстро нарастающей ледяной корки.

– Ничего себе! – голос Мигеля из-под шарфа звучал глухо, но оптимистично. – Мы как Папанин на полюсе!

В тусклом свете фонарей стены и полы коридоров красиво сверкали густым инеем – температура падала так быстро, что влага из воздуха кристаллизовалась на всех поверхностях. На полу отчётливо виднелась протоптанная дорожка к вестибюлю, где через прокопанный в снегу коридор выходили на улицу хозгруппы. Кинозал был в другой стороне. Ольга вздохнула – ещё четыре лестничных пролета в тяжеленном, волочащемся по земле тулупе. В таком хорошо в карауле стоять, а не по ступенькам взбираться.

Кинозал располагался в «Центре культуры и отдыха». Из административного корпуса туда надо было идти по переходу на уровне второго этажа. В нём, видимо, от температурной деформации выдавило алюминиевые рамы панорамных стекол, и на фоне белого инея стен проёмы зияли жутковатой чёрной пустотой. Ольга не удержалась и выглянула, посветив фонариком вниз. Снег оказался неожиданно близко, почти под самыми окнами. Если идти по его поверхности, то внутрь перехода можно просто перешагнуть.

Оборудование кинопередвижки Андрей одобрил, и обратно мужчины несли серые деревянные ящики с аппаратурой, а Ольге достались жестяные цилиндрические коробки с плёнками, которые она тащила на импровизированной, сделанной из столешницы, волокуше. Доска легко скользила по обледеневшему полу, и было не тяжело, но руки коченели даже в рукавицах. Ломило от холода лоб, глаза и переносицу. Непроизвольно выступали слёзы, которые тут же замерзали, склеивая ресницы. А протирать глаза было неудобно.

В переходе остановились передохнуть. Андрей и Мигель, несмотря на обжигающий лицо мороз, закурили.

– Потом за остальными стоняем! – бодрился лаборант, пуская дым в пустой оконный проём. – Я посмотрел, там много всяких фильмов, и для детей есть мультики... Стоп, что это?

Он направил свет фонаря в окно. Ольга тоже посветила туда, но ничего не увидела.

– Там что-то двигалось! – заявил лаборант.

Он высунулся в пустой проём и пробежался лучом по снегу.

– Да вот и след же!

Параллельно переходу, в паре метров от окна в лучах фонарей действительно просматривалась какая-то размытая борозда, как будто что-то только что протащили. Рыхлый и лёгкий перемороженный снег плохо сохранял форму следов.

– Это было что-то большое, чёрное и быстрое! Я не успел разглядеть.

– Да ладно, – засомневался Андрей. – На таком морозе ничего не выживет. У меня даже папироса к губе примёрзла...

– Я видел! – настаивал Мигель. – Да вон, смотрите, смотрите же! Вот оно!

Вдалеке, за границей светового луча, вроде бы что-то двигалось, рассекая снег. Из-за слабого света и поднятой снежной пыли, разглядеть подробности не удалось.

– Я же говорил! – торжествовал лаборант.

– Чему ты радуешься, придурок? – неожиданно грубо оборвал его Куратор. – Быстро берите ящики и бегом отсюда.

Мигель обиженно засопел в шарф и замолчал. Подняли ящики и понесли – не бегом, но всё же быстрым шагом, непроизвольно оглядываясь на пустые проёмы окон за спиной. А Ольга, таща волоком за собой коробки, неотвязно думала о том, что где-то там, в морозной темноте, сейчас ведёт спасательную группу Иван. От этого неприятно заняло предчувствием беды сердце.

Когда, вернувшись в убежище, она увидела растерянную суету толкущегося у входа руководства, то сразу поняла – так и есть, случилось.

– Что с Иваном? – схватила она за рукав свитера Лебедева.

– Неизвестно, – отмахнулся он. – Радист вышел на связь и доложил, что у них что-то произошло в котельной. Кто-то, кажется, погиб, но мы не поняли кто и почему, а больше на связь они не выходили. То ли батареи замёрзли, то ли...

Директор не договорил.

– Я иду за ним! – твёрдо сказала Ольга.

– Ты с ума сошла?

– Я с вами! – быстро сказал Мигель.

– Остановите эту сумасшедшую, – повелительным тоном распорядился Куратор, но директор не обратил на него никакого внимания.

– Оленька, – сказал он успокаивающе, – ну куда ты в твоём положении пойдёшь? Там темнота и мороз...

– Я только что оттуда, не надо мне рассказывать! И я уже одета, снаряжена и готова.

– И я! – поспешил заявить Мигель.

– В моём положении нет ничего особенного, мне рожать не завтра, а пока вы собираете новую группу, они могут там погибнуть.

– Я с вами, – внезапно сказал Андрей, выходя из дежурки со своим карабином.

– Ты-то куда? – заметно разозлился Куратор. – Я тебе запрещаю!

– Запрещалка не выросла! – отмахнулся Андрей.

– Чёртов авантюрист... – зло сказал Куратор, но, стиснув зубы, отошёл в сторону.

Лебедев пристально посмотрел на Ольгу, хотел что-то сказать, но только махнул рукой.

– Снегоступы у выхода возьмите, мы их много наделали, – подошел кто-то из дежурных. – Там ступеньки в снегу вырубил, по ним подниметесь на поверхность, а дальше снег рыхлый, без снегоступов никак. И вот ещё очки лабораторные из плексигласа...

Идти на снегоступах оказалось с непривычки очень сложно – ноги приходилось широко расставлять и высоко поднимать. Овальные алюминиевые пластины, грубо нарезанные из какого-то технического лома, привязывались к валенкам ремнями, а Ольге ещё и валенки были велики, болтаясь даже поверх бот. Первое время им приходилось то и дело хвататься друг за друга, чтобы не упасть, но потом понемногу привыкли. Институтская котельная находилась на окраине территории. От главного входа до неё было примерно километр, но преодолеть это ерундовое, в общем, расстояние оказалось не так просто.

– Это наверняка оно... – попытался говорить Мигель, но вести беседу на таком холоде оказалось просто невозможно – воздух выстуживал так, что, казалось, сейчас зубы треснут.

В плотно прилегающих к лицу лабораторных очках глаза уже не так резало холодом, но сами очки понемногу обмерзали.

– Надо было мылом натереть... – не унимался говорливый Мигель.

Андрей шёл молча, сосредоточенно сопел, старательно переставляя ноги и поддерживая Ольгу за локоть, когда она теряла равновесие. Этот человек был ей непонятен – он прибыл в Загорск-12 вместе с Куратором, но в качестве кого? Почему именно он – это было безапелляционное требование – должен был пройти через созданный установкой прокол? Что за дела были у них в гараже – настолько важные, что они были готовы чуть ли ни за оружие взяться? Ответов на эти вопросы у неё не было, но всё же она была благодарна, что Андрей вызвался идти с ними – если потребуется спасти людей, лишние руки не помешают.

В темноте оказалось неожиданно сложно ориентироваться даже на знакомой территории Института. Заваливший всё снег скрадывал контуры зданий и путал ориентиры, фонари светили слабо и недалеко. С первой попытки прилично промахнулись – уперлись в гараж, причём не сразу даже поняли, что торчащие из-под снега кусок стены и угол крыши относятся именно к нему. Сориентировались, прикинули направление, пошли дальше – и чуть не убрели невесть куда. Спасло то, что Ольга зацепилась краем снегоступа и упала. Оказалось – за верхушку фигурного кованого копья, венчающего скрытую под сугробом ограду.

Жуткий холод и рыхлый снег выматывали, выпивая последние силы. У Ольги от непривычного движения враскоряку ужасно болели внутренние мышцы бедер. Противно ныли остывшие кисти рук, которые она безуспешно пыталась согреть, сжимая и разжимая кулаки внутри варежек, потеряло чувствительность лицо. Когда они, скорее по удаче, чем по расчёту, всё-таки нашли котельную, она уже была готова лечь в снег и умереть – настолько пропиталось тело ядом усталости. К железной двери был прокопан в снегу утопанный спуск. На наезженной

волокушей колее контрастно выделялись пятна жидкости, которая сначала показалась Ольге чёрной. Но в свете фонаря стало видно – снег пропитался пролившейся тут в изобилии кровью.

– Откройте! Это мы! – уже стучал в железную дверь Мигель. Заглушённый промерзшим шарфом голос и толстые варежки на руках свели его попытки на нет, и Андрей, в конце концов, пару раз грохнул в железный лист прикладом.

– Кто здесь? – послышался из-за двери знакомый голос, и у Ольги зашло сердце – жив!

– Это я, Иван, я! – закричала она, отдирая ледяную корку с шарфа.

– Рыжик? – удивился он. – Как тебя... Открываю!

Ввалились в тёмное помещение – коридорчик при входе, – зацепились снегоступами, чуть не пошибали друг друга.

– Сюда, сюда, – тащил Ольгу за локоть почти невидимый Иван. – Мы тут растопили один котёл...

В топочной не было тепло – стены покрывал толстый слой инея, – но, после лютого мороза снаружи, казалось – жара. Сумрак, подсвеченный слабым мерцанием огня из открытой топки, возле которой неразличимо сгрудились какие-то люди.

– Остатки угля из бункера дожигаем, – сказал Иван, как бы извиняясь. – Там всё равно мало было...

– Что случилось? Почему вы не возвращаетесь?

– Вот что... – он повернул фонарь в сторону, и Ольга увидела лежащие рядом в дальнем углу припорошенные инеем тела.

– Кто...

– Хозгруппа, – грустно сказал Иван. – Они вывозили из подсобки баллонный газ и не вернулись. Их мы и искали, когда...

Но Ольга уже и сама увидела лежащего перед дверцей топки, в зоне относительного тепла, замотанного в окровавленные тряпки юношу-радиста.

– Он шёл последним. Что-то выскочило из темноты и ударило его в спину... Если бы не рация...

– Что-то?

– Мы не видели. Но радиостанция пробита насквозь, как будто копьём, и в спине глубокая рана, задето легкое. Пришлось разводить огонь, накладывать повязку...

– Как это случилось? – спросил взволновано Мигель.

– Мы нашли хозгруппу у входа, – сказал Громов. – Они в кого-то стреляли, было охотничье ружье, там два стреляных патрона. Ружье сломано, они убиты, кровью всё залито. Вышли на связь, сообщили, начали переносить тела внутрь, и в последний момент Олегу вот так прилетело. Мы не увидели, кто это был – все были уже внутри, и фонари светили в другую сторону. Пока прогрели помещение, чтобы не поморозить при перевязке, он много крови потерял...

– Надо его срочно в медпункт! – решительно сказала Ольга.

– Да, – согласился Иван, – мы как раз готовимся к выходу.

Он показал на лежащие в зеве топки, в стороне от горящего угля, кирпичи.

– Завернём в тряпки, положим на волокушу, сверху уложим мальчика, – пояснил Громов. – Поедет, как Емеля на печке. Иначе не довезём – замёрзнет. Тела погибших, к сожалению, придется пока оставить здесь.

Чтобы укрыть раненого, пришлось раздеть трупы. Они успели окоченеть, замерзшая кровь схватилась ледяным клеем, так что тулупы просто срезали, распоров по швам. Получившимися кусками овчины обернули уложенного на горячие кирпичи радиста, который так и не приходил в сознание. Дыхание его было редким и слабым, лицо – бледным до синевы. Даже далекому от медицины человеку было очевидно, что дела его плохи.

Тропу прокладывал ловко скачущий на снегоступах Мигель. За ним, как два ломовых битюга, упрямо топали впрягшиеся в волокушу Сергей и Василий. Ковыляли, держась друг за друга, Иван и Ольга.

– Хромой да беременная – два полбойца, – пошутил неунывающий Иван.

Рядом с ними, с фонарём и карабином наизготовку, широко переставляя ноги, шагал Андрей. Он тревожно глядел по сторонам, пробегая лучом света по сугробам, но осветить удалось немного – темнота как будто обгрызала по краям тусклый желтоватый круг с тёмным пятном рассеивателя посередине. Мечущиеся тени только увеличивали нервозность – краем глаза как будто цеплялось какое-то движение, но, стоило посветить туда фонарём, – ничего. Верхушка куста и или крыша беседки. Замыкали процессию два работника хозчасти. Ольга наверняка их знала, по крайней мере, в лицо, но сейчас видела только тулупы, шарфы и очки. Они категорически отказались бросить последние газовые баллоны и сейчас упорно тащили за собой вторую волокушу. Три пятидесятилитровых емкости со сжиженным пропаном везти было нелегко, сани с ними приотстали, и никто не увидел, что именно случилось.

Вскрик, пронзительный, рвущий уши свист, отвратительный запах этилмеркаптана – Ольга аж присела. Андрей завертелся на месте, вскинув к плечу карабин.

– Не стреляй, рванёт! – заорал на него Иван, хватая за руку.

Сани были перевёрнуты. Из небольшого, с вогнутыми внутрь краями, треугольного отверстия в баллоне со свистом выходил последний газ. Снег пропитался как будто чёрным – но Ольга уже знала, что это красный.

Тела нашлись в нескольких шагах, как будто их отбросило с тропы. Страшные раны – словно их рубили топором.

– Уходим, быстро, – жёстко сказал Иван.

– Надо же их забрать... – неуверенно сказал то ли Сергей, то ли Василий.

– Потом заберем, сейчас уходим.

К концу пути, когда перегорел адреналин ужаса, Ольга почти отключилась от усталости и холода, из последних сил механически переставляя ноги. Ей казалось, что это какой-то кошмарный сон, когда бесконечно идёшь, идёшь – и остаёшься на месте, и кто-то, идущий по твоим следам, догоняет, догоняет...

Но никто на них не напал.

Поддерживая друг друга и волокушу с раненым, они медленно спустились в убежище, где еле тёплый воздух тамбура показался раскалённым жаром печи. Вокруг засуетились люди, радиста быстро унесли в медпункт, а Ольга сползла в уголке по стеночке, не имея сил расстегнуть задубелый тулуп.

– Ну что же ты так, Оленька? – хлопотала вокруг неё в импровизированном лазарете Лизавета Львовна. – Ты, конечно, барышня крепкая, но в твоём положении нельзя...

– Что с Олегом? – перебила её девушка. – С мальчиком-радистом?

– Рана тяжёлая, потерял много крови, но жить будет, – вздохнула Лизавета, – наверное... Я же не хирург. В войну санитаркой была, потом закончила медицинский, но пошла по научной части. Эх, нет у нас врачей-то...

Женщина только печально махнула рукой.

– Я да фельдшерица из медпункта – всего персонала. Да и медикаментов у нас... А уже куча простуженных, трое с лёгкими обморожениями, дети с их болячками... Я с ужасом жду, что у кого-нибудь аппендицит или ещё что-то полостное. А я после медпрактики и за скальпель не бралась ни разу.

– А Иван как? – спросила Ольга.

– Ой, да что твоему мужику сделается! – улыбнулась Лизавета. – Культю перевязал и поскакал дальше.

– Я тоже пойду, пожалуй... – стала подниматься с топчана Ольга. Тело ломило, ноги не слушались, голова как ватой набита – но, к её удивлению, ничего, в общем, не болело. Устала просто, и нервы...

– Иди, что тебе тут вылёживаться, – не стала удерживать её врач. – Только я тебя умоляю – хотя бы отдохни, прежде чем опять на подвиги бросаться.

Ольга вышла в скупо освещённый и гораздо более холодный коридор – лазарет грели дефицитным электричеством, а в остальных помещениях убежища держалось примерно плюс десять. «Неудивительно, что много простуженных, – подумала она, – из жаркого лета в такой холод». В коридорах было пусто и безлюдно – идя в столовую, она никого не встретила. В залах, на двухъярусных, застеленных на скорую руку топчанах спали, храпя, кашляя и тревожно ворочаясь, люди. Пахло сыростью, туалетом и портянками. Похоже, авральные работы по переселению закончены, все отдыхают, прежде чем начать методично обживаться в новых условиях.

В столовой было сумрачно, горели только аварийные лампы. За плитой зевала, разогревая еду для полуночников, совсем молодая девушка, практически подросток.

– Я сегодня дежурный повар, – то ли пожаловалась, то ли похвасталась она Ольге, – вам побольше положить? Блюдо одно – каша пшённая с тушёнкой, – но её много.

– Обычную порцию, пожалуйста, – Ольга увидела сидящих в углу с мисками Андрея и Мигеля и, получив свою посуду, направилась к ним.

– Привет! – сказал испанец, Андрей только сухо кивнул. Он так и таскался повсюду с карабином, сейчас тот стоял, прислонённый к стенке.

– Как себя чувствуешь? – поинтересовался Мигель. – А то тебя сразу в лазарет утащили.

– Лизавета Львовна перестраховалась, – отмахнулась Ольга. – А что тут творится? И где Иван?

– Громов у начальства, совещаются снова, – начал рассказывать он. – Энергетики возьмётся с реактором, что-то у них не ладится. Вся энергия с генераторов у них, поэтому холодает. Через ФВУ<sup>8</sup> идёт ледяной воздух, греть его нечем, а не качать нельзя – задохнёмся. Иней забивает вентканалы, приходится чистить. Один вентилятор от холода сдох, остальные пока держатся, но выключать их нельзя – замёрзнут. Продовольствие успели вывезти со склада всё, но его не очень много. Если где-то что-то и осталось, то уже не добрать. Палыч запретил выходить на поверхность – слишком, говорит, опасно. Там уже минус восемьдесят, как на полюсе холода в Антарктиде. Ну, и ещё это... Которое ребят...

Мигель замолчал и начал быстро доедать остывающую кашу. Ольга последовала его примеру. Мяса в каше было совсем немного, и это при том, что дежурная явно пыталась положить беременной девушке порцию понаваристой. Похоже, ситуация с продуктами действительно была не очень хорошей.

– Как ты, Рыжик? – в столовую прихромал усталый Иван.

– Нормально, не волнуйся, а вот ты себя совсем загонял...

– Ничего, осталось последнее усилие! – муж старательно изображал оптимизм. – Энергетики почти закончили, осталось ТВЭЛы загрузить – и да будет свет! И тепло, конечно...

– Это же прекрасно! – воодушевился Мигель. – Будет свет и тепло – как-нибудь не пропадём!

– Надо только эти самые ТВЭЛы доставить, – вздохнул Иван. – Они на складе.

– Притащим как-нибудь, подумаешь!

– Двести сборок. Каждая три метра длиной и двадцать кило весом, не считая ящика. И это ещё полбеды – а ведь надо вытащить отработанные... – пояснил Громов. – До склада, к

---

<sup>8</sup> Фильтро-вентиляционная установка.

счастью, есть коридор прямо из реакторной, но погрузчик остался на складе и замёрз, надо полагать, наглухо. Так что только ручками...

Мигель, видимо, представил себе масштаб работы и сразу как-то поскуучнел:

– Ну, деваться-то некуда...

– И думать забудь! – строго сказал ему Иван. – Пойдут только мужики за тридцать, у кого уже есть дети. То есть, я, например, – он кивнул на Ольгин живот и подмигнул ей.

– Это ещё почему! – возмутился Мигель.

– Радиация, молодой человек! Береги будущее потомство. Тебе только предстоит осчастливить какую-нибудь юную красавицу, а у меня она уже есть.

Мигель покраснел и умолк.

– Так что предлагаю всем пойти поспать, – закончил Иван. – Через пять часов начнём погрузку.

– И где мы теперь спим? – растерянно огляделась Ольга, выйдя в коридор.

– Тссс! – с заговорщицким видом подмигнул ей муж. – Я тут немножко воспользовался служебным положением! У нас на сегодня роскошные личные апартаменты!

«Апартаментами» оказалась пустая кладовка при лазарете, где стояли наспех сколоченные «двухспальные» нары под тонким старым матрасом без белья. Но здесь было теплее, чем в общих помещениях, а главное – они были одни.

– Не могу упустить случая, Рыжик, – щекотно зашептал ей в ухо Иван, когда они улеглись, погасив крохотный огарок свечи. – А ну как подлая радиация попадёт, куда не надо? Вдруг в последний раз?

– Типун тебе на язык! – сердито прошептала в ответ Ольга. – А ну, иди сюда! Я тебе покажу «последний раз»!

## Историограф. «Ничьи земли»

Борух подёргал на мне разгрузку, потряс рюкзак, придирчиво осмотрел всего – от кепки до шнуровки берцев.

– Всё взял? Ничего в шкафчике не осталось? А ну, попрыгай!

Я послушно подпрыгнул. Антабка автомата звякнула о торчащий из разгрузки магазин, и Борух передвинул на мне ремни. Мне стало смешно – как будто ребёнка в школу собирает.

– Всё тебе смехуёчки! Тебе, балбесу, чего сам не положишь, того ты и не вспомнишь...

Это он нервничает так, я знаю.

– Серьёзно? Вот так просто? – Ольга осматривала окрестности в хитрый прицел своей супервинтовки. – Неужели даже наблюдателя не поставили? Не люблю, когда всё так гладко начинается... Плохая примета.

– А ну и хорошо, ну и ладушки! – обрадовался комгруппы. – Какое там время гашения?

Я поработал с планшетом и определился:

– Три минуты всего, вообще халява.

– Вот поэтому и не держат, – пояснил он, – поди удержи такой короткий. Так, мы тут обустроиваемся, а вы валите, куда собирались.

Мы дождались гашения, поздоровались с коллегой-оператором и бодро потрусили к лесу.

– Ну, давай направление, писатель! – сказал Борух, когда мы остановились на полянке.

Выходной репер транзита ощущался вполне отчетливо, а значит, был относительно недалеко. Определить расстояние точно я не мог, но вряд ли больше нескольких километров. Дальше я бы его не учуял. Мы не крались по кустам, как ниндзя, не ползли, собирая в штаны шишки и в карманы листву, – просто шли по достаточно редкому, светлому, вполне приятному лесу. Похоже, нежелательных встреч мы не опасаемся.

– Тут же никого нет? – спросил я.

– Не должно быть, – подтвердила Ольга. Если на входной точке не было, то на выходной им и вовсе делать нечего.

– Тогда зачем мы штурмовую группу тащили?

– Во-первых, на всякий случай, – ответил мне Борух. – Мало ли, что мы на пальцах прикинули, а вдруг бы нарвались? Ну, а во-вторых, – пусть ещё в одном срезе укрепятся, почему нет? Сейчас они силы накопят, сделают бросок к выходному реперу, и всё – срез наш. Он нахер никому не сдался, но командование любит победные реликвии.

– А теперь, когда мы, наконец, уже идём, – спросил я то, что давно собирался, – я могу узнать – куда?

– Мы же вместе прокладывали маршрут? – почти убедительно удивилась Ольга. Ей никогда не надоедают эти игры.

– Ты поняла, о чём я, давай не будем. Не конечная точка, а конечная цель.

– Хочу проверить одно место. Лет пятьдесят назад там было интересно...

Вот сказать не могу, как меня это вымораживает. Умом-то я знаю, что она годится мне в бабушки, но визуальный ряд, так сказать, этот факт заслоняет. Поэтому в бытовом общении воспринимаю её как более-менее ровесницу, а потом хренакс – и вот такое. Когда она рассказывает о первых днях Коммуны, это не так цепляет – нет ощущения личной истории. В общем, моя бывшая ловко ввела меня в состояние рефлексии, и я не стал выяснять подробности. Она отлично умеет мной манипулировать. И не только мной – но это слабое утешение.

– Что это за срез? – поинтересовался Андрей. – Что тут есть? Кто живет?

– А черт его знает... – равнодушно ответила Ольга. – Может, и никто. Разведчики поместили зелёным. Эфир пустой, а значит, технологическая цивилизация, если и была, то схлопнулась, как везде.

Это тревожная, но привычная картина в известном нам Мультиверсуме – большинство его срезов находятся в той или иной стадии постапа. Насколько я знаю, никто не в курсе, почему, хотя версий, конечно, хватает. Выбирать можно любую. Как бывшему писателю пиздецом, мне, конечно, нравится версия «внешней силы» – некоего надчеловеческого агента, коварно толкающего людей к самоуничтожению. Это понравилось бы читателю, а главное – оставляет открытую концовку. Придет Герой и победит супостата, спасая себя, свою девушку, ну и заодно всё Человечество. Но в глубине души я в супостата не верю. Лишняя в этой картине «внешняя сила». Нас не надо подталкивать к самоуничтожению, сами распрекрасно справимся. Поэтому самой логичной мне кажется версия встроенной в любое человечество конечности цивилизационного цикла. Такой общественный «ген смерти», своеобразный «лимит Хейфлика»<sup>9</sup> социумов. В конце концов, если все мы умираем как личности, то почему должны выжить как вид? Я социальный пессимист, хотя Борух и считает меня романтиком.

– Всегда бы так... – удовлетворенно сказал Борух, когда мы добрались до конечной точки – ровной круглой полянки, где среди карманной местной версии Стоунхенджа торчал из земли черный цилиндр репера. – Отличная прогулка.

– Сплюнь, – посоветовала Ольга, и он послушно выдал «тьфу-тьфу-тьфу, шоб не сглазить».

– Дальше два серых, – сверился я с маршрутом.

Борух надел шлем-сферу и взял наизготовку пулемёт.

– Держитесь за мной, на всякий случай, – сказал он. – Буду вам за щит.

Впрочем, в неприятных руинах, где мы оказались после резонанса, оказалось спокойно и безлюдно. Обломки выветренных кирпичных стен и проросшие сквозь них молодые деревья закрывали обзор, так что я не смог насладиться пейзажем. Судя по тому, что один из тонких стволов выворотил из земли потемневший человеческий череп, вряд ли окружающий вид меня бы порадовал.

– Стоим на месте, от греха, – скомандовал майор. – Мало ли какое тут эхо войны обнаружится.

– Небольшой фончик имеется, – сообщил, посмотрев на карманный цифровой радиометр, Андрей, – но не критично. Свинцовые трусы можно не надевать.

Неподалеку кто-то истошно и тоскливо глубоким низким голосом завыл, как будто оплакивая здешний невезучий мир. Все вздрогнули и напряглись.

– Надеюсь, он не настолько большой, насколько громкий, – тихо сказала Ольга. – Сколько там до гашения?

– А вот, уже, – ответил я. – Поехали!

Следующий репер оказался неожиданно благоустроенным. Ну, а как ещё скажешь про место, где вокруг чёрного цилиндра стоят кружком удобные диванчики, горят уютные торшеры, на низких полированных столиках – стаканы и бутылки с водой, а также яркие упаковки печенья? Квадратное помещение не имело окон, но всё равно почему-то казалось, что оно глубоко под землёй. На стене огромный плакат, где на десятке языков, из которых я опознал только русский, повторялась, видимо, одна и та же надпись:

*Уважаемо приходимец из другой место! Отдыхать тут! Есть еда, пить жидко! Время ждания – дюжина минут! Не пытаться на ружу, большая пожалуйста! Просить понимать нас! Хорошего в пути!*

---

<sup>9</sup> Лимит Хейфлика (англ. Hayflick limit) – граница количества делений соматических клеток. Для большинства человеческих клеток лимит Хейфлика составляет 52 деления. А потом все умирают. Да, вы тоже.

Ниже, для тех, кто не нашёл понятной надписи, была серия крупных пиктограмм – пере-чёркнутая дверь со стилизованной фигуркой выходящего человечка, часы – песочные и со стрелками – и двенадцать чёрточек рядом, бутылки со стаканами и вскрытая упаковка еды.

– Жри и проваливай, – прокомментировал Борух.

– На фоне прочих даже мило, – ответила ему Ольга, – интересно, как давно тут никого не было?

Я только после её слов заметил, что на диванах и столах довольно толстый слой пыли, в одном торшере лампа не горит, а в другом моргает. Кстати, двери, в которую так настойчиво просили не выходить, видно не было, зато на стене висел интерком – решётка динамика с кнопкой под ним. Андрей подошел и нажал кнопку, но ничего не произошло.

– Не работает, – констатировал он, – хотя освещение от чего-то запитано.

– От батарей, – ответил внимательно изучавший помещение Борух. – Включилось, когда мы прошли, тут сенсор. Да вот уже и гаснет...

Лампочки в торшерах на глазах теряли яркость.

– Дверь здесь – он уверенно постучал в стену прикладом, отдалось гулко и железно. – Попробуем выйти?

– Там может быть что-нибудь интересное! – оживился Андрей.

– Не зря тебя «коллекционером» прозвали, – усмехнулась Ольга. – Незачем нам выходить. У нас другая задача. Тем более что просят этого не делать.

– Следующий – транзитный, – предупредил я, – прогуляемся.

Прогулялись.

На входном репере когда-то висела куча измерительной аппаратуры, но под воздействием капающей с потолка воды она давно превратилась в кубические комки рыхлой ржавчины. Самому камню, разумеется, ничего не сделалось – в свете наших фонарей он так и отливал матовым чёрным блеском сквозь сгнившие стойки с оборудованием.

– И здесь пытались того... Алгеброй гармонию, – прокомментировал Борух.

Стены бетонного каземата затянула противная тёмная плесень, под ногами хлюпала грязь. Было душно, сыро и плохо пахло. В направлении выходного репера шёл мрачный коридор, по которому мы безо всяких приключений дошли до зеркального входному помещению. Здесь было посуше, приборные ящики заржавели меньше, в остальном – то же самое. С одним отличием – у стены стоял массивный железный стул, с которого приветливо скалился человеческий скелет в лохмотьях напрочь сгнившего мундира и совершенно целых сапогах. Скелет указывал на репер гостеприимным приглашающим жестом правой руки.

– Шуточки у кого-то... – проворчал Борух, осмотрев покойника. – Руку проволокой закрепили, а в черепе дырка от пули. Ничего себе, путевой знак...

– Давно? – спросила Ольга напряженно.

– Я тебе что, археолог? Не вчера. Проволоку приматывали поверх целой руки, до того, как она сгнила.

– Ну, может, это у местных такое чувство юмора было... – сказала она неуверенно. – Но давайте-ка осторожнее с этим переходом. У меня плохое предчувствие.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.